

Закон лесника

Автор:

Дмитрий Силлов

Закон лесника

Дмитрий Олегович Силлов

Апокалипсис-СТСнайпер

Лесник всю свою жизнь посвятил лишь одной цели – сохранению чернобыльской Зоны.

И когда она в опасности, лесник готов на всё, чтобы защитить ее.

Сталкер по прозвищу Снайпер не только изменил прошлое и будущее Зоны. Теперь под угрозой ее настоящее...

Узнав об этом, лесник принимает решение убить Снайпера. И это вполне возможно, ведь леснику дает силы сам Монумент, наиболее известная и загадочная аномалия Зоны.

Дмитрий Силлов

Закон лесника

© Д. Силлов, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Автор искренне благодарит

Марию Сергееву, заведующую редакционно-издательской группой «Жанровая литература» издательства АСТ,

Анастасию Калябину, выпускающего редактора направления «Фантастика» редакционно-издательской группы «Жанровая литература» издательства АСТ,

Алексея Ионова, ведущего бренд-менеджера издательства АСТ;

Олега «Фыф» Капитана, опытного сталкера-проводника по чернобыльской Зоне отчуждения за ценные советы;

Павла Мороза, администратора сайтов www.sillov.ru и www.real-street-fighting.ru;

Алексея «Мастера» Липатова, администратора тематических групп социальной сети «ВКонтакте»;

Елену Диденко, Татьяну Федорищеву, Нику Мельн, Виталия «Дальнобойщика» Павловского, Семена «Мрачного» Степанова, Сергея «Ион» Калининца, Виталия «Винт» Лепестова, Андрея Гучкова, Владимира Николаева, Вадима Панкова, Сергея Настобурко, Ростислава Кукина, Алексея Егорова, Глеба Хапусова, Александра Розенфельда и Алексея Загребельного, а также всех друзей социальной сети «ВКонтакте», состоящих в группе <https://vk.com/worldsillov> за помощь в развитии проектов «СТАЛКЕР», «ГАДЖЕТ» и «КРЕМЛЬ 2222».

Пролог

Оно был похож на огромное сияющее надгробие, которое кто-то невероятно сильный сорвал с могилы мертвого колдуна, приволок сюда и поставил вертикально. Просторный зал, в котором оно находилось, заполняли горы мусора – бетонные блоки, стальные балки, разбитое офисное оборудование, огромные приборные панели с разбитыми экранами...

Среди этого разнообразного хлама надгробие, горящее ровным голубоватым светом, выглядело странно, необычно – и зловеще. Настолько, что чем ближе подходишь к нему, тем сильнее ощущается дрожь во всем теле, да такая, что руки еле удерживают старую винтовку с перебитым пулей ремнем, который и надо бы снять да выбросить, а сил уже нету. Их едва хватает лишь на то, чтобы переставлять ноги, но каждый шаг дается с всё бо?льшим трудом. Так часто бывает в жизни: вроде вот она, цель, видна уже, близка, только руку протянуть – а тело подводит, не слушается, еле тащится позади твоего рвущегося вперед неистового желания, словно старый мешок, набитый ненужным хламом...

За человеком, с невероятным трудом продолжавшим идти вперед по растрескавшемуся от времени бетонному полу, тянулся багровый след. Правый рукав его телогрейки потемнел и набряк кровью, а на шапке-ушанке, если присмотреться, можно было заметить след от пули, пролетевшей по касательной – черный росчерк, автограф смерти, пролетевшей мимо.

Он был немолод, этот упрямец, продолжавший свой путь несмотря на ранение и усталость. Седая борода и лицо, изрезанное морщинами, свидетельствовали о тяжелом грузе прожитых лет, давящем на плечи, гнущем к земле. Другой бы давно уже сдался, лёг на бетон и тихо умер от кровопотери.

Другой.

Но не он...

Один раз человек споткнулся об чей-то раздавленный череп и чуть не упал. Но сумел устоять на ногах и даже сделать еще десяток шагов.

Теперь сверкающая цель была рядом, руку протяни – и коснешься зеркальной, словно искусственно отполированной поверхности. Но раненый не стал трогать ее, хотя такое желание присутствовало. Хотелось понять, какая она на ощупь, эта самая знаменитая аномалия Зоны, дойти до которой мечтает каждый сталкер.

Однако порой протянуть руку – это усилие, которое лучше потратить на что-то другое. Человек опустил приклад на пол, тяжело оперся о винтовку и тихо произнес:

– Вот и я пришел к тебе, Монумент. Не думал никогда, что придется тащиться сюда как «отмычка» распоследняя, однако от судьбы не уйдешь.

«Твой путь окончен, – прозвучало в голове раненого. – Но... я не вижу твоего желания».

– Я и сам его не знаю, – усмехнулся старик. При этом из уголка его рта вытекла капля крови и запуталась в бороде, оставив на ней багровую дорожку. – Поздно мне хотеть чего-то для себя, а ты ж, поди, только такие желания и видишь. Шкурные, что от жадности да от глупости человеческой. У меня же только одно есть – чтоб места эти, Зону мою, всякая нечисть не трогала своими грязными лапами. Я ж природу и зверюшек, в ней живущих, еще до аварии в меру сил своих берег как мог. А после нее и подално. Мне что обычный лес, что мутировавший – без разницы. Как и существа, что в нем проживают. И дерево, и зверюшка – они ж живые. И жить хотят. Но не всегда люди дают им такую возможность. Убивают и тех, и других без жалости. Таких людишек самих выкорчевывать надо, выпалывать, как сорняки. А у меня уже силы не те...

«Чего ты хочешь?» – вновь раздался в голове старика бесплотный и бесстрастный голос. А может, и не было никакого голоса, и всё это не что иное, как глюки предсмертные, что случаются от сильной кровопотери?

Но всё-таки старик ответил:

– Силы я хочу безграничной, чтоб Зону беречь как родную. Люблю я эти места всем сердцем, и если надо, готов за них жизнь отдать. Знаю, как ты исполняешь желания, потому прошу: или исполни, или убей. Мне всё равно помирать скоро, так хоть сталкеры скажут: мол, красиво ушел лесник. Добрался до Монумента, загадал что-то – и окочурился, как и все остальные, кто до него дошел.

Монумент излучал ровный свет цвета чистого неба – холодный, мертвый, безжизненный. Но порой там, за полированной стеной аномалии, мелькали какое-то сполохи.

Лесник слишком долго наблюдал за природой зараженных земель и за эти годы научился отличать мертвое от живого. Монумент, несомненно, не был просто огромным аномальным кристаллом, способным криво отражать чужие желания, исполняя их как придется. Сейчас лесник точно знал: перед ним живое

существо, способное думать, принимать решения – и действовать так, как оно сочтет нужным.

Сполохи стали чаще, суетливее – и внезапно пропали. Свет, исходящий от Монуumenta, внезапно усилился, стал нестерпимо ярким – настолько, что леснику пришлось даже прикрыть глаза, чтобы не ослепнуть.

«Ты хочешь блага для Зоны, человек, – проговорил в голове лесника мертвый голос, ставший сейчас явно громче и отчетливее. – Ты желаешь получить силу или смерть. Так прими и то, и другое».

Аномальный свет внезапно стал ярче в сотни раз. Он пробил слабый кожистый барьер век и ударил по глазам, словно огненным хлыстом. Старик закричал от невыносимой боли, но его крик потонул в потоке света, пронизавшего собой всё – и мозг, отравленный испарениями Зоны, и израненное тело, жаждущее лишь отдыха. И уже неважно какого – кратковременного возле сталкерского костра или же вечного, свободного от любых, даже самых искренних и чистых желаний.

* * *

Портал с характерным хлопком закрылся за нашими спинами.

Перед нами лежала Зона. Всё та же, вечная, как сама Вселенная. Уже и представить сложно нашу планету без этих проплешин на ее теле, которые совершенно справедливо называют зараженными землями. Здесь в той или иной мере ядовито всё.

Воздух, пропитанный испарениями гнилых болот и радиоактивных могильников.

Земля, порождающая отравленную серую траву и кормящая деревья-мутанты токсичными подземными водами.

Небо, слабокислотными дождями плачущее над медленно разрушающимися строениями.

И люди, чьи тела в той или иной степени поражены лучевой болезнью, а души – неутолимой жаждой наживы.

Но для нас, истинных сталкеров, Зона стала домом, по которому мы скучаем, покинув его, – и который всегда проклинаяем, вернувшись обратно.

– Это что за нахрен?

Я повернул голову.

На морде Хащца было написано недоумение, довольно быстро трансформирующееся в ярость. Белые глаза мутанта стремительно наливались кровью, а ротовые щупальца возмущенно топорщились.

Я на всякий случай незаметно коснулся двумя пальцами рукояти своей вновь обретенной «Бритвы». Бес его знает, что там у Хащца в голове случилось после перехода через портал. Вдруг умом тронулся от переживаний, и сейчас придется защищать свою жизнь от безумного мутанта. При этом не верю я, что из автомата MP5, который болтался у меня на плече, можно завалить взрослого ктулху. Этого жуткого вампира Зоны, способного за пару минут высосать из человека всю кровь, и из «калаша»-то не всегда убить удастся, даже высадив весь магазин в упор. А уж пистолетная пуля ему как слону дробина.

– А чего ты ожидал? – осторожно поинтересовался я.

– Как чего? – возмутился Хащц. – Очевидно же! Тропический остров, солнце, пальмы, молодые самочки...

– Самочки ктулху? – уточнил я.

– Ну да! А ты куда нас отправил? Это ж сто процентов Зона, и пусть у меня все когти вывалятся, если я не прав!

Понятно. Мой спутник отчего-то был уверен, что на курортных островах водятся юные девы его породы. И когда мы обсуждали, куда нам податься с помощью моей «Бритвы», похоже, Хащц имел в виду именно такой ктулхий рай. М-да, похоже, мы друг друга не поняли.

Впрочем, неудивительно. Хащц родился и вырос в Зоне, некогда сожженной Большим выбросом, поэтому о Большой земле имел весьма смутное

представление. Пришлось его вкратце просветить, после чего мутант немного успокоился и заметно сник.

– То есть, получается, мне теперь до конца жизни по Зонам мотаться? – буркнул он себе под нос.

Ярость мутанта уступила место грустному безразличию, и я снял руку с ножа. Разбираться со мной Хащц передумал, и это радовало. Ибо не уверен я, что даже с помощью «Бритвы» справлюсь с ктулху, который с помощью Кольца Черного сталкера стал разумным, словно настоящий человек. Бывали, конечно, в моей биографии битвы с представителями его породы, но то, что я после них оставался в живых, это чистое везение. И не более того.

– До конца, не до конца – посмотрим, – уклончиво сказал я. – Жизнь покажет.

– Ладно, – вздохнул Хащц, поправляя свой автомат Калашникова, висящий на плече. – И что это за Зона?

– Та, откуда я пришел изначально, – сказал я. – Во всяком случае, очень надеюсь на это.

– А время какое?

– Надеюсь, что мы не опоздали, – сказал я, доставая свой старенький, выдавший виды КПК. Включил, подождал, пока загрузится, посмотрел на дату, что высветилась на дисплее. И кивнул.

– Успели.

– К чему успели? – с легким раздражением в голосе поинтересовался Хащц.

– К началу старой истории, – сказал я. – Которую надо изменить.

– Ни хрена не понимаю, – покачал головой ктулху.

– Долго объяснять, – пожал плечами я. – Идти надо.

– Далеко?

– В Припять, – ответил я.

* * *

Лесник открыл глаза.

Он лежал на бетонном полу. Сверху нависал потолок, сваренный из ржавых стальных балок. Лесник отлично видел пятна коррозии, местами проевшие железо чуть не насквозь, и даже стальные заклепки, державшиеся на честном слове. В последние годы зрение стало подводить – но не сейчас. Несмотря на полумрак зала, детали высокого потолка были превосходно различимы, словно лесник смотрел через прибор ночного видения с шестикратным увеличением.

Но прибора не было, он всё видел своими глазами. А еще не было ломоты в костях, вечной спутницы пожилого сталкера, много лет прожившего в сыром, холодном помещении. Усталости тоже как не бывало. И раздирающей боли в руке, простреленной бандитами, тоже не чувствовалось.

Лесник попытался встать – и у него это получилось неожиданно легко, словно ему вновь было восемнадцать лет. Потрясающее ощущение вернувшейся молодости, которое он успел позабыть за долгие годы.

Он осмотрелся, припоминая, как оказался здесь, в зале Монуумента.

Ну да, однажды к нему пришло осознание того, что больше не может он один поддерживать порядок в Зоне, что молодые беспредельщики сильнее, быстрее и наглее, и не будет на них управы, как ни старайся. Что жизнь, в общем-то, прожита зря, так как многие уже смеются над его попытками сохранить Зону от людей, растаскивающих ее по кусочкам, и что не нужна никому его самоотверженная работа, кроме него самого и, может быть, Зоны, в чем он уже не был уверен...

И тогда лесник решился. Собрал рюкзак, взял старую верную винтовку-трехлинейку и пошел к Монуументу, чтобы наверняка узнать, нужен ли он Зоне. Или умереть. Это уж как получится.

Он дошел, безжалостно убивая по пути тех, кто пытался встать у него на пути. Да, эти люди и мутанты были частью Зоны, но для того, чтобы организм оставался здоровым, порой нужно вырезать из него больные части. И лесник делал это привычной рукой, словно хирург, что по локоть в чужой крови совершает благое дело. Убивать тех, кто пытается убить тебя, это не преступление перед Зоной, а необходимость. Иначе кто будет охранять ее от всякой нечисти, если лесника убьют? Правильно, никто. Поэтому он стрелял, колот штыком, бил прикладом – и вот наконец оказался там, куда дошли очень немногие.

И Монумент выполнил его желание!

Лесник потрогал простреленную руку, задрал окровавленный рукав.

Раны не было. Рука и рука, такая же, как всегда.

Не веря своим глазам, лесник осторожно провел по ней пальцами. Нет ранения, будто и не было его никогда.

Тут бы и обрадоваться этому факту, но что-то было не так.

Лесник нажал на руку сильнее. В одном месте, в другом. Пробежался пальцами по предплечью, останавливаясь в точках, которые он знал наизусть.

Но поиски оказались тщетными. Пульс отсутствовал. Да и сама рука была холодной, словно бетонный пол, на котором он только что лежал.

Лесник невольно застонал. Ведь знал же, что Монумент исполняет желания так, как сам того пожелает! Но кто ж думал, что аномалия расщедрится и выполнит оба сразу? И вот теперь он – грёбаный зомби. Безмозглая тварь с примитивным набором инстинктов и воспоминаний, оставшихся в гниющих мозгах.

Хотя... Почему безмозглая? С мыслями вроде всё в порядке, как и прежде в голове ворочаются. Рана вон тоже заросла, что для живых мертвецов нехарактерно – у тех отверстия от пуль в теле остаются, при этом не мешая ходячим трупам жить своей странной и жуткой полурастительной жизнью. Стало быть, если даже Монумент и превратил его в зомби, то либо в какого-то

сильно другого, либо просто не пришло еще его время гнить заживо.

– Ладно, примем это как факт, – пробормотал себе в бороду лесник, отметив при этом, что и речь у него нисколько не пострадала.

А вот с силой что, которую Монумент пообещал?

Он повернулся к аномалии, словно ища у нее ответа на свой вопрос.

Но сверкающая глыба была безмолвна. Она одинаково равнодушно изливала свой мертвенно-лазурный свет на окружающие ее бетонные обломки, гнутые стальные балки, истлевшие трупы, едва прикрытые гнилой одеждой, – и на человека с винтовкой, который надеялся получить ответы на свои вопросы... от аномалии.

Не глупо ли?

Леснику всё больше казалось, что его разговор с Монументом был просто бредом, следствием температуры, поднявшейся из-за ранения. А что отверстие от пули зажило, словно его и не было никогда, так это ж Зона, мало ли чего в ней не бывает. Может, свет, идущий от Монумента, целебным оказался. Ладно, а пульса тогда почему нет?

Мозг лихорадочно искал объяснения произошедшему, пытаясь впихнуть его в привычные, понятные рамки. Для людей это нормально, а то ж иначе так можно с ума сойти, ища ответы – и не находя их...

Для людей.

Лесник усмехнулся. Хватит уже трястись от страха. Не солидно это, не сталкерски. Ну изменила тебя Зона, и что? Будто до этого она тебя не меняла. Может, не так резко, не так заметно, но каждому известно, что старожилы этих мест все поголовно мутанты в большей или меньшей степени. Так чего бояться? Главное – жив, даже если и фактически мертв. А сила...

Это надо проверить.

Рука привычно потянулась за пазуху, достать артефакт, с помощью которого ранее лесник пытался пробить портал к Монументу – но не вышло. Не пожелал арт сверлить легкий путь, только нагрелся так, что в руках не удержать стало. А как остыл, вообще в бесполезную каменюку превратился, без признаков жизни. Так, может, он сейчас энергии от Монумента поднабрался и выведет обратно, чтоб снова не спотыкаться об трупы в коридорах Саркофага, рискуя вновь нарваться на пулю от мародеров?

Потянулась – и остановилась на полпути. Разве ж это сила, когда дырки в пространстве артефактом сверлишь? Так, сноровка, не более. Сила – это когда сам. Своими руками.

И больше по наитию, чем согласно здравому размышлению, лесник размахнулся – и рубанул напряженной ладонью по воздуху, будто мечом рассекал висевшую перед ним картину.

И картина поддалась.

Миг – и прямо перед лесником повисла дыра в пространстве, слабо фосфоресцирующая по краям холодными лазурными сполохами, так похожими на мертвое сияние Монумента. И там, за этой дырой, виднелась знакомая серая трава Зоны, темный лес вдали и кусочек набрякшего дождем неба, похожего на потемневший от гнилых испарений потолок каменного склепа.

Лесник потер ладонь, слегка занывшую от удара, наскоро связал перебитый пулей ремень, закинул винтовку за спину и шагнул вперед. Теперь у него не было сомнений. Он нужен Зоне. Она избрала его своим защитником, наградила силой, а может, даже бессмертием – и он оправдает ее доверие.

Пожилой сталкер был слишком занят собственными мыслями и не заметил, что из-за кучи бетонных обломков за ним тихонько наблюдает существо, очень старающееся быть незаметным. Оно пришло сюда в поисках еды, питаясь трупами, которые всегда в изобилии валяются на дорогах, ведущих к Монументу. Пришло – и прижилось в этом зале, куда пища сама приходила, по своей воле... И оставалась здесь навечно.

Но не только легкая добыча была причиной появления здесь существа, умеющего успешно скрываться даже от таких опытных сталкеров, как лесник.

Просто у существа тоже было желание. Очень сильное. Оно хотело общаться с единственным человеком, к которому испытывало теплые чувства. Не мысленными картинками, значение которых тот понимал далеко не всегда, а по-настоящему. Как люди. Когда то, что ты хочешь сказать, понимается на сто процентов, без вариантов.

Так называемое шестое чувство было развито у существа лучше, чем у твердолобых хомо. Еще только придя в этот зал, оно почувствовало, что нравится огромной сверкающей аномалии, которая была очень одинока. Людей она не любила и играла с ними очень жестоко. А вот к существу сразу прониклась чем-то теплым и светлым, что оно сразу почувствовало. И желание его исполнила легко и с удовольствием, словно Старший брат, подаривший младшему желанную игрушку. На, забавляйся, только останься здесь подольше. А я буду греть тебя своим холодным светом, который сделаю немного теплее.

И существо осталось. В том числе и потому, что с этой светящейся глыбой было интересно. Она умела беззвучно и интересно рассказывать. В ее памяти хранилось множество разных историй о Зоне и тех, кто живет в ней. И существо внимательно слушало, сидя на полу и обвив лапы хвостом, порой о страшных, а порой и о смешных приключениях сталкеров, мутантов и аномалий, которые, оказывается, тоже были живыми – только по-своему, по-другому, не так, как те, в чьих жилах течет горячая кровь.

Эти истории довольно быстро научили существо пользоваться своим новым даром. Теперь оно легко читало мысли живых, приходящих в этот зал, независимо от того, кто это был – человек, мутант или аномалия. Это было интересно, но, к сожалению, недолго. Дети Зоны, случайно забредшие сюда, бежали обратно со всех ног, как только осознали, куда их занесло. Люди же, пришедшие в этот зал намеренно, очень быстро умирали. Живыми уходили лишь единицы, при этом неся в себе медленный яд – свое сбывшееся желание, которое непременно убьет их, просто немного позже. Монументу было скучно, и он развлекал себя тем, что наблюдал за своими жертвами – а видеть он мог очень далеко.

Сперва эта забава была интересна для существа, но быстро ему наскучила. Однако он не бросал Монумент из чувства благодарности, которое было ему не чуждо. Он бы, наверно, остался здесь еще надолго, если б сегодня в этот зал не пришел человек, к которому могущественная аномалия отнеслась иначе, чем к

другим.

Этот хомо берег Зону долгие годы, и Монумент отблагодарил двуногого, выполнив его желание в точности. И даже более, подарив сталкеру способность видеть так же далеко, как и самая могущественная аномалия Зоны.

Существу было всё равно – Брату виднее, как развлекать себя. Но одно его насторожило.

Пожилой сталкер думал не только о своем желании.

В его голове зрела мысль, и она касалась того самого человека, который был небезразличен существу. Она еще не родилась, но уже толкалась в извилины мозга, пытаясь выбраться наружу, в область взвешенного осознания.

И она не понравилась существу. Настолько, что, когда человек шагнул в портал, созданный им, существо успело незаметно прошмыгнуть в него следом. Оно твердо вознамерилось проследить за слишком сильным сталкером, чтобы он не сделал тому человеку ничего дурного. И прежде, чем портал закрылся, существо уловило слабую волну сожаления, которая исходила от сверкающей аномалии. Брат снова остался один и будет скучать. Это было грустно, но существо уже сделало свой выбор, которому не смогли бы помешать даже все аномалии Зоны.

* * *

– И чего мы в той Припяти забыли? – поинтересовался Хашщ. – Сгоревшая пустыня, где от домов остались холмы из расплавленного бетона.

– Это в твоем мире после Большого выброса такая картина, – заметил я. – А у нас тут вполне себе сохранившийся город. Правда, не без сюрпризов.

– И Зона у вас тут тоже не без них, как я погляжу, – заметил мутант.

Неподалеку от того места, где мы вышли из портала, находились развалины какого-то строения. Уже не понять, что это было раньше. Остались лишь два фрагмента стены, остальное – гора из битых кирпичей. И сейчас из-за этого довольно неплохого укрытия выходили четверо. Судя по одежде – армейские

сталкеры, на местном жаргоне «армсы».

Хуже может быть только, пожалуй, пара голодных жуков-медведей. Эти бывшие вояки, подавшиеся на вольные хлеба, зачастую обладали отличной профессиональной выучкой, отлично знали Зону и были прекрасно вооружены. В общем, встретились мы далеко не с шайкой бандитов, выходцев из городской гопоты, у которых кроме понтов да дешевых «ПМов» за душой нет ничего. Перед нами были хорошо тренированные убийцы, занятые в основном грабежом и перепродажей награбленного. Иногда еще они помогали военным в качестве проводников во время правительственных зачисток, за что заслужили отдельную персональную «любовь» у сталкерской братии.

И вот сейчас четверо этих отморожков держали нас на прицеле своих автоматов, но почему-то не стреляли. Хотя понятно почему. Судя по их ухмыляющимся небритым рожам, решили поглумиться. То есть легкой смерти можно не ждать. И сопротивляться бессмысленно – слишком уж неожиданно они появились из-за укрытия. Наверняка ждали проходящую мимо легкую добычу. И дождались.

– Хех, а не подвела меня чуйка насчет хабара-то! – радостно воскликнул один. – А вы еще «да ну, ерунду мелешь, кого сюда черти понесут с утра-то?» Вот, принесли! Прямо в руки! И добыча, и развлечение!

– Может, всё-таки просто завалим эту зелень закордонную? – вальяжно предложил один, нижняя челюсть которого смахивала на кувалду, поросшую жесткой щетиной. – Задолбали твои развлечения. Чёт лень с ними возиться.

– А мне вот никогда не лень, – хмыкнул третий, направляясь к нам. – Ща колени прострелим и начнем. Только погодите шмалять. Я маску вот этого фраера не хочу портить, а то вдруг заденете ненароком. Всегда о такой мечтал, чтоб была точь-в-точь как харя ктулху. А у этого как раз то, что нужно, мерзкая донельзя. Молодцы китайцы, научились нормально делать. Ну чего встал, чучело? Снимай маску и давай сюда. Обещаю, что если дергаться не будешь, конкретно тебя пожалею и пристрелю не больно. Бах – и ты уже в аду, задницей на сковороде сидишь, яйца греешь.

Товарищи любителя масок хором заржали. Ну а чего им не ржать-то? Стоят двое тормозных зеленых сталкеров, у которых автоматы за плечами. Рыпнутся – тут же получат по полмагазина в брюхо, куда стволы нацелены. Не рыпнутся – будет

забава, которая уже началась. И потом еще смешнее ожидается.

Что бы они там языками ни мели, убивать нас быстро «армсы» точно не собирались, иначе б уже пристрелили из-за укрытия. И что такое их развлечения, я прекрасно знал. Забрать стволы, раздеть и, например, заставить пленников снимать друг с друга кожу, делая ставки на то, кто больше настрогает. Или кишки выпустить и замерить, у кого длиннее, а потом на них же повесить обоих за ноги на ближайших деревьях и тренироваться в метании ножей на еще живых мишенях. Слышал я такие истории и даже видал не раз обезображенные трупы как результат подобного веселья «армсов», поэтому сейчас лихорадочно думал о том, что делать.

Но как-то не очень получалось с придумкой насчет решения проблемы. Блин, как же глупо попались! Слов нет. Будто затмение какое-то нашло, чтоб идти по Зоне, а автоматы за плечами болтаются.

Но – бывает, ничего не попишешь. Неужто и вправду придется вот так тупо подыхать? Ну уж нет. Пусть хоть один из этой шайки внимание ослабит, а там уж я начну умирать красиво, с визуальными и звуковыми эффектами. Это я умею, приходилось не раз. Надеюсь, хоть двоих утащу с собой в Край вечной войны, чтоб не скучно было идти одному по Серой дороге.

Между тем любитель масок подошел к Хащцу почти вплотную, поднял руку, чтобы сорвать с лица жертвы вожаденный трофей – и только тогда заподозрил неладное. Разглядел наконец, что не маска это, а реально совершенно цельная башка одного из самых опасных мутантов Зоны, который каким-то образом сумел влезть в человеческую одежду, обзавестись оружием и теперь шатается по зараженным землям как самый обычный лысый сталкер с пучком щупалец на морде вместо бороды.

«Армс» схватился за автомат – но было поздно.

Хащц рванулся вперед, обхватил жертву за плечи и в мгновение ока оплел голову, лицо и шею своими щупальцами.

Надо отдать должное реакции остальных «армсов», на проблему они отреагировали мгновенно. И жестоко. Получилось так, что Хащц словно прикрылся от них пока еще живым щитом, но это ему не особо помогло.

Потому, что «армсы» принялись садить из автоматов длинными очередями по этому щиту, в кровавые клочья разрывая раскаленным свинцом спину своего боевого товарища.

Известно, что ктулху намного сильнее человека, но от такой слаженной ответки даже Хащц покачнулся и отступил на пару шагов назад. Но жертву свою не выпустил, продолжая глотать кровь, и довольно успешно, судя по враз побагровевшей лысине мутанта. Лишь в одном месте наблюдалась утечка. Алая тонкая струйка била из порванной сонной артерии «армса» – наверно, оттого, что одна присоска на щупальце Хащца слегка отклеилась от тела жертвы из-за мощных ударов пуль.

Когда с близкого расстояния так хреначат очередями в три ствола, человеческое тело быстро рвется в тряпки. Но и магазины автоматов опустошаются, словно бутылки с водой, перевернутые вниз горлышком. И я уже знал, что будет дальше.

Через долю секунды у всех троих закончатся патроны, так как стрелять они начали одновременно. И тогда...

«Тогда» не получилось.

Тот «армс», челюсть которого напоминала кувалду, сообразил, что сейчас произойдет, и последнюю пятерку патронов потратил на меня, наискось полоснув очередью по моей ростовой фигуре.

Но я уже тоже не стоял на месте. Предугадав движение ствола, я поднырнул под линию выстрела, кувыркнулся вперед, одновременно выхватывая «Бритву» из ножен, – и рассек лезвием пах «армса», а также его автомат заодно, который он держал на уровне живота.

Клинок, откованный из редчайшего артефакта, с одинаковой легкостью прошел и сквозь человеческую плоть, и сквозь оружие, перезаряжать которое уже не имело смысла. Да и не получилось бы это у хозяина уникальной челюсти, потому что я, вскочив на ноги, чиркнул лезвием по его горлу – и обратным контрольным ударом всадил нож в висок «армса». Туда-обратно. Всё. Дальше можно не смотреть, как труп мешком повалится на землю. Совершенно не впечатляющая

картина, которую я видел много раз.

Гораздо больший интерес вызывали у меня двое оставшихся бойцов, которые, увидев мою атаку, отреагировали немедленно. Один попытался ткнуть меня в живот стволом пустого автомата, который я срезал одним ударом – а вторым, сделав широкий шаг вперед, смахнул голову с плеч «армса».

Кабы он рефлексивно не рванулся назад, глядишь, его жбан еще несколько мгновений постоял бы на старом месте, ибо «Бритва» всегда делает очень тонкий разрез. При таком ранении до мозга не сразу бы дошло, что его вместе с головой отделили от туловища. Но поскольку тело дернулось, тыква «армса» слетела с широкоплечей подставки и покатила по серой траве Зоны, недоуменно хлопая глазами и шлепая губами, словно пытаюсь что-то сказать напоследок.

А вот у третьего отпрыгнуть назад получилось лучше. При этом он швырнул в меня бесполезным автоматом и схватился за пистолет, висящий в поясной кобуре.

Парень оказался шустрым и хорошо тренированным на выход из нестандартных ситуаций. Летящий мне в голову автомат я отбил в сторону левой рукой (больно, блин!), отсушив ладонь резким ударом по металлу и потратив на это дело полсекунды – за которые «армс» успел выхватить пистолет из кобуры и направить мне в лоб.

Будь расстояние от среза ствола до моей головы побольше на полметра, тут бы мне и кирдык настал. Но оно было меньше. Поэтому я резким движением кисти перехватил нож на прямой хват и ударил обеими руками.

В ножевом бою этот прием называется «ножницы».левой ладонью вооруженная рука противника отбивается вовнутрь, а правая аналогичным внутренним ударом ножа рубит ее. Если прием провести правильно, за счет силы двух разнонаправленных ударов мясо прорезается до кости. Но это – обычным ножом. «Бритва» же и плоть, и обе кости предплечья рассекла легко и непринужденно, после чего рука противника вместе с зажатым в ней пистолетом отлетела в сторону, а в лицо мне, будто из брандспойта, хлестанула горячая кровь.

Напор в кровеносной системе человека довольно сильный, поэтому отпрыгнуть в сторону я не успел. Только зажмурился и вслепую еще несколько раз рубанул ножом по тому месту, где должен был находиться противник. Надеюсь, попал, потому что услышал хрип. И лишь после этого утер лицо рукавом и открыл глаза.

Парень с отрубленной рукой медленно оседал на землю. А на месте его головы из шеи торчал очень неприятного вида треугольный обрубок. Получается, я ему тыкву обстругал как карандаш, пока «Бритвой» махал. Неаппетитно смотрелось то, что получилось, я даже рвотные позывы почувствовал. Неудивительно с учетом того, что во рту у меня теперь был устойчивый вкус чужой крови и глаза слипались, причем отнюдь не от усталости.

А еще я осознал, что у меня отчаянно звенит в правом ухе, будто по нему со всей дури заехали лопатой. И плечо саднит, словно к нему утюг приложили.

Осознание пришло быстро. Практически одновременно с моим ударом «армс» успел выстрелить. И попасть. Правда, не туда, куда метил.

Я поднял правую руку. Ясно-понятно. Пуля разодрала куртку и, возможно, вырвала из плеча кусок мяса. Вроде небольшой, потому что рука двигается нормально, только болит. И ухо ноет, по которому долбануло звуковой волной от выстрела. Но всё это можно пережить. Главное – враги мертвы, а мы вроде как наоборот.

За себя я был уверен, а вот за Хашща – нет. Наверняка из почти сотни выпущенных «армсами» пуль ему несколько перепало. И как он там?

Я обернулся.

И выдохнул с облегчением.

Хашщ был живой, и это главное. Он как раз сейчас отбросил от себя высохший труп с развороченной спиной и на карачках медленно полз к другому. При этом из тела мутанта вываливались смятые окровавленные кусочки свинца. Один... Второй... Третий...

Понятно. Регенерация у ктулху просто потрясающая – но только при условии, если мутант насосется свежей крови. У того «армса», которому друзья-товарищи расхреначили спину в лоскуты, ее было мало, и сейчас Хащц полз за добавкой, по пути теряя всаженные в него пули, которые отторгало его тело. Позавидовать можно.

Но тут хоть обзавидуйся, от этого своя дырка в шкуре не зарастет. Поэтому я скинул куртку, грязную и порванную в нескольких местах, и занялся раной. Которая оказалась не такой уж страшной – длинная, слабо кровоточащая царапина. Ее я просто залепил пластырем, пропитанным бактерицидной мазью, который нашел в нагрудном кармане мертвого «армса».

Пока я оказывал себе первую помощь, насосное чавканье над соседним трупом прервалось.

– И чо мучаешься? – проворчал Хащц. – Давай на пластырь харкану, быстрее заживет. Наша слюна способствует регенерации.

– Спасибо, обойдусь, – отозвался я.

И тут же память услужливо преподнесла мне образ девушки, чья слюна тоже обладала целебной силой. Жена Фыфа, киборг Настя, погибшая возле стелы «Припять». Если б не она, я бы наверняка уже был в Краю вечной войны. А вместо меня туда ушла она...

Навсегда ли?

Это я и собирался проверить, когда прорубил портал, отчаянно желая оказаться в том времени, когда Фыф еще не позвал меня мысленно в Припять за мгновение до своей смерти. Его убило чудовище по прозвищу Хронос, родной брат Харона, получивший способность управлять временем. Эту тварь я всё-таки уничтожил, но временной портал, который он открыл, забросил меня в прошлое Зоны[1 - События романа Дмитрия Силлова «Закон Припяти» литературной серии «СТАЛКЕР»]. Откуда я выбрался – и попал в будущее.

Там я тоже неслабо накуролесил – спас Зону от уничтожения, за что она вернула мне целехонькой мою сломанную «Бритву» и перебросила в моё время. Но – в Японию, где я помог своему другу Виктору Савельеву найти его дочь[2 - События

романа Дмитрия Силлова «Закон якудзы» литературной серии «СТАЛКЕР».]

После этого решил попробовать вернуть к жизни своих погибших друзей, задумав переиграть события романа «Закон Припяти», который написал на своем КПК и сбросил таинственному редактору, которого никогда в жизни не видел. Не, ну а что? Получилось один раз изменить прошлое, должно получиться и второй...

Но только что чуть не случилось непоправимое, причем из-за нашей с Хащцем тупости. Прогулки по Зоне с оружием за спиной обычно оканчиваются одинаково, и нам крупно повезло, что «армсам» захотелось развлечься.

Теперь уже второй любитель кровавых шуток медленно превращался в высушенную мумию, а третьего я вытряхивал из его одежды, которая выглядела намного лучше моей драной черной куртки и штанов, из которых местами уже торчали нитки. Вот-вот поползут по швам, ибо шили их не для такого экстремального использования.

В общем, мне повезло. Камуфляж цвета «флора» подошел, будто его мне на заказ шили. Хотя особого чуда в этом нет. Роста я чуть выше среднего, на ширину плеч хоть и не жалуясь, но до культуриста-профессионала мне очень далеко. Короче, ходовой у меня размер одежды, что для сталкера – в самый раз. Ибо обновляем мы свой изношенный гардероб не в супермаркетах, которых в Зоне нет, и у местных торгашей делаем это очень редко по причине нереальной дороговизны их товаров. Гораздо чаще это происходит вот таким образом, как сейчас. Убил врага, подошел его шмот – значит, считай, шопинг удался.

И берцы я сменил наконец на свой размер, легко сняв их с отощавших ног мумии, в которую Хащц превратил мертвеца. Качественная обувь оказалась. Заокеанский спецназ в такой шастает по всему миру, раздавая пинки ребристыми подошвами тем, кто не торопится принимать продвинутые ценности западной цивилизации.

Ну и с оружием разобрался, подобрав уцелевший «калаш», чудом не пострадавший от моей «Бритвы». Плюс снял с пояса бывшего хозяина автомата советский брезентовый подсумок с тремя полными магазинами. И, конечно, не устоял, увидев торчащий из-под объемистого рюкзака одного из «армсов» зеленый тубус. Это был одноразовый гранатомет РПГ-18, знаменитая «Муха»,

которых на секретных оружейных складах Зоны наверняка запасено предостаточно еще со времен СССР. Эффективное оружие против танков – если, конечно, знаешь, куда стрелять. А для тех случаев, когда нужно разнести укрепленную огневую точку противника, «Муха» вообще вещь незаменимая.

Тяжеловато, конечно, переть на себе лишние два с половиной кило, но мне не привыкать ходить по Зоне нагруженным словно конь. Поэтому после недолгих размышлений я всё-таки пристроил гранатомет себе за спину. Пусть висит на всякий случай.

При этом, пока я прибарахлялся и предавался воспоминаниям, над поляной стояло монотонное чавканье – мой спутник-ктулху поправлял здоровье, переместившись от второго высушенного трупа к третьему.

От этих звуков у меня самого в животе забурчало. После хорошей драки покушать – самое то. И если не смотреть, что там так увлеченно жрёт твой спутник, то под звуки его кормежки вполне можно умять банку тушенки, закусывая ее почти свежим хлебом, найденным в трофейном рюкзаке ближайшего «армса».

Что я и сделал, присев на траву и прихлебывая из опять-таки трофейной советской фляги воду, на вкус слегка отдающую алюминием и пахнущую резиновой пробкой. Другая в Зоне редко встречается. Даже если чистой водой закупился у бармена, через час болтания в поясной фляге она всё равно будет с характерным вкусом и запахом. А из повстречавшегося по дороге ручья набирать – как повезет. Может и нормальная быть, а может, тот ручей течет через радиационный могильник или старое кладбище. Тогда можно запросто острую лучевую болезнь подхватить и сдохнуть через считанные часы. Или наоборот, жить долго, но не очень счастливо, вроде как ни с того ни с сего превратившись в зомби. Потому гарантированно чистая питьевая вода в Зоне стоит дороже еды и патронов. И как трофей для опытного сталкера – самая желанная. Потому что без жратвы и оружия на зараженных землях еще можно протянуть какое-то время. А вот без воды это время сокращается в разы.

Сидел я на траве, поджав под себя ноги, кушал и усмехался про себя. Пройди сейчас мимо обычный человек, небось, кондратий бы его обнял. Поляна, на ней трупы валяются, некоторые высушены так, что скелет виден через пергаментную кожу. Везде бурые пятна подсохшей крови, вон там отрубленная рука со скрюченными пальцами лежит, и около нее какая-то жуткая тварь

кормится, облепив труп ротовыми щупальцами и закатив от счастья белые глаза. А посреди этого натюрморта сидит себе сталкер и мирно ковыряется ножом в банке с тушенкой. Такая вот местная идиллия, при виде которой нормальные люди бежали бы отсюда со всех ног и потом по ночам вздрагивали от навязчивых кошмаров.

Но то нормальные. Не сталкеры. Не такие, как я и те, кто также бродит по зараженным землям в поисках артефактов, приключений или Предназначения, заключающегося в том, чтобы убивать живых существ, которые чем-то не устроили Мироздание. Поэтому с этой точки зрения у меня сейчас просто обеденный перерыв на работе, во время которого меня лучше не отвлекать по пустякам от вдумчивого поглощения пищи. Прежде всего потому, что я очень добрый по натуре. Если меня не злить.

* * *

Лесник нахмурился и открыл глаза. Ему не понравилось то, что он только что увидел внутренним взглядом, с некоторых пор способным проникнуть в любые уголки зараженной земли, огороженной Периметром.

Проблема с насюка не решилась. Серьезная проблема. Пожалуй, самая страшная из всех, что когда-либо угрожала Зоне.

Потому что в Зону пришло чудовище. Монстр в человеческом обличье, способный перемещаться во времени и пространстве, меняя при этом прошлое и будущее миров, защищенный своим Предназначением и личной удачей, которая к тому Предназначению прилагалась. Потомственный борец с теми, кого он считал нечистью, недостойной жить.

Меченосец по прозвищу Снайпер.

Еще до своего похода к Монументу лесник не раз пересекался с ним и предупреждал – не будоражь Зону, не меняй так резко линии вероятности, не используй свои способности бездумно и безответственно. Но Снайпер не слушал его, делая лишь то, что считал нужным делать.

И вот сейчас, когда леснику открылось видение гораздо более глубокое, чем раньше, он глянул – и ужаснулся!

Меченосец проник в прошлое и убил там многих, прервав жизни их потомков в будущем. А потом он и в будущее влез и наделал там такого, что теперь всё Мироздание было покрыто невидимыми для обычных людей вихрями жутких изменений. Те, кто должен был погибнуть, остались в живых, и за ними потянулись цепочки новых вероятностей, на глазах меняющих всю Розу Миров. А те, кому суждено было прожить долгую жизнь, погибли от руки Снайпера, и теперь в структуре вселенных зияли жуткие дыры, которые нечем было заполнить.

Но и это еще не всё!

Он вернулся в свое время, в прошлом отправив на тот свет убийцу своих друзей. И теперь те друзья останутся живы, и вновь начнут менять этот мир, не готовый к таким изменениям...

Однако это всё было ерундой по сравнению с главным.

В лаборатории профессора Кречетова сейчас мирно беседовал с ушастым мутантом другой Снайпер. Тот, кому положено было быть сейчас в этом времени и выполнять своё Предназначение... которое тоже теперь замерло возле него, заворачиваясь в невидимый вихрь, создавая воронку несоответствия.

Лесник видел: эта воронка грозит стать самой мощной из всех, что наделал Снайпер. И не исключено, что Зону, да и весь мир просто разорвет, если произойдет невероятное – встреча двоих людей, на деле являющихся одним и тем же человеком. И хорошо, если дело ограничится только этой вселенной. Не исключено, что такой небывалый парадокс уничтожит всю Розу Миров. А этого лесник, который втайне своим призванием считал хранить и оберегать не только Зону, но и весь остальной мир, допустить не мог.

И тогда он сосредоточился, постаравшись максимально чётко представить себе тот участок Зоны, по которому шел Снайпер номер два – так про себя он окрестил пришельца из будущего.

Участок представился очень чётко. По едва видимой тропе идет возмутитель спокойствия, а рядом с ним шагает вообще невообразимое существо. Ктулху ростом с человека, умеющий говорить и думать как человек.

Впрочем, удивлялся лесник недолго. Слегка напрягшись, он взял под свой ментальный контроль обоих и первым делом хотел внушить им простую мысль убить друг друга. Но тут же отказался от этой затеи, поняв шестым чувством, что ничего не получится. Он пока был не настолько опытен в управлении своим даром, чтобы заставлять своих ведомых совершать абсолютно нелогичные поступки. Поэтому стоило попробовать что-то попроще. Например, внушить им мысль, что нечего идти, озираясь и взяв оружие на изготовку, когда вокруг такая тишь и благодать.

Подействовало. Закинутые за спину автоматы остались висеть там, где были до этого. Так. Отлично. Теперь следующий ход.

В полукилометре от Снайпера и ктулху крался отряд армейских сталкеров, готовясь напасть на конвой одного из торговцев Зоны. Ментально захватить этих ловцов удачи оказалось проще. Вернее, одного, главного, который вдруг понял, что неподалеку можно взять гораздо более богатую добычу, причем совершенно без риска. Остальных лишь пришлось «угговорить» согласиться.

Конечно, «армсам» пришлось пробежаться по бездорожью, но всё получилось. Вышли в той точке, где предполагалось, наставили оружие на беспомощные жертвы...

И тут лесник почувствовал, как Снайпер и его спутник уходят из-под его контроля. Словно какие-то помехи вдруг разом загадили чистую и сильную ментальную волну. Продолжалось это недолго, буквально секунд десять...

А потом в той ментальной волне отпала надобность.

«Армсы» лежали на серой траве Зоны, а Снайпер с его уродливым товарищем занимались мародерством. Или собирали трофеи, это уж кому как нравится говорить. Причем кореш Снайпера собирал их весьма неаппетитным образом, на свой манер.

Лесник поглядел на это дело, нахмурился недовольно и, прервав ментальный контакт, открыл глаза, которые немедленно защипало. Оказывается, всё время сеанса со лба лесника струился холодный пот, от которого промокли брови, усы и борода. Сейчас он чувствовал себя совершенно обессиленным. С непривычки новые способности жрали жизненные силы, словно голодные мутанты мясо беспомощной жертвы. Оказывается, это не такое простое дело – убивать чужими руками. Что ж, значит, если не получилось в первый раз, надо просто побольше тренироваться. И тогда непременно всё получится.

* * *

– Может, хватит жрать?

Хащч чавкнул еще раз-другой, подумал – и отклеился от мертвеца, теперь похожего на зомби, высохшего от голода. А ведь несколько минут назад это был вполне себе упитанный труп, при жизни отожравшийся на харчах, отжатых у сталкеров.

– Пожалуй, ты прав, – сказал ктулху, поднимаясь с коленей и поглаживая заметно округлившееся брюхо. – Что-то я увлекся. Но когда в тебя десяток пуль всадили, ничего не остается, кроме как хорошо покушать, чтобы подлечиться.

– У тебя прям как в компьютерной игре, – с долей зависти сказал я. – Подстрелили, похавал – и снова как новенький.

– А ты сам попробуй лечиться колбасой или хлебом, – заметил Хащч. – Вы ж, сталкеры, тоже немного мутанты. Многие муты так поступают – как ранят их, так они давай в себя жратву кидать, как в топку. Помогает. Я слышал, что кто-то из вашего брата тоже так лечился – и вылечился.

– Брежут, – решительно заявил я. А сам про себя решил, что и правда надо бы попробовать как-нибудь. Обычно как ранят, так есть вообще не хочется, до тошноты прям. Но что, если себя пересилить? Вдруг и правда подействует?

Пока я размышлял над словами Хащча, тот успел скинуть с себя бандитскую толстовку, раздеть высушенный труп, и натянуть на себя его шмотки. Получилось почти впору, разве что в плечах немного маловато. Но если

расстегнуть верхние две пуговицы, то и нормально. А еще Хащц себе на лысину трофейную зеленую бандану с черепами повязал. Вышло вообще феерично. Я аж не нашелся что сказать, когда увидел подобное чудо-юдо. Хотя, может, оно и к лучшему. Пока противник будет соображать, что ж он такое встретил, можно с большей вероятностью его уделать, пока он не уделал нас.

– Кстати, ты лучше основную часть груза мне в рюкзак переложи, – сказал Хащц, довольно поглаживая ротовые щупальца, красные от крови. – Я-то всяко помощнее тебя буду, поэтому мне лишний десяток кило не в тягость. Таким макарон ты не так быстро выдохнешься, а значит, и дойдем пошустрее.

В словах моего спутника была доля истины, поэтому я спорить не стал. Пусть он бо?льшую часть продуктов прёт, а я лучше несколько лишних укупорок патронов себе в рюкзак закину.

Короче, затарились мы трофеями под завязку и пошли себе дальше по направлению к Припяти, при этом на ходу пытаюсь разобраться, как же мы так опростоволосились.

– Да чтоб я по Зоне шел как дурак с автоматом за плечами! – сокрушался Хащц. – Не было такого никогда со мной, даже после двух литров «Кровавой Мэри».

– И я за собой такого не припомню, – отметил я. – Может, мут какой нам мозги полоскал? Или аномалия?

– Может, и так, – почесывая бороду из щупалец, проговорил Хащц, при этом играючи удерживая автомат за рукоять одной лапой, будто это был не АК, а пистолет Макарова. – И обед мой тоже на нас как-то странно вышел. Будто сами удивились, что нас встретили в этой глухомани, где даже квазимухи не летают.

Место, через которое мы шли, и вправду будто вымерло. Даже ветер не тревожил корявые деревья-мутанты, покрытые редкой листвой нездорового цвета. А за ними уже были видны покосившиеся ограды и кресты старого кладбища, буйно заросшего колючим кустарником.

Я уже понял, куда нас выбросил портал. Когда я прорубал его, то загадал: «юго-восточная сторона Припяти». Конечно, надо было конкретнее указывать точку

выхода, представив, например, площадь автовокзала или стадион. Но как-то после пережитого на нижних уровнях японской школы ночных убийц голова сработала по принципу «как смогла». Ладно, бывает. Тем более, что промах несущественный – отсюда до начала проспекта Ленина немногим более километра. А те ограды, что виднелись впереди, это всё, что осталось от села Семиходы, снесенного напрочь при строительстве города Припять. Только кладбище и оставили, решив не трогать мертвых.

И, похоже, это было ошибкой. Очень неприятной для нас с Хашцем.

Я вообще не люблю кладбища Зоны. Непокойные они. Не лежится трупам в зараженной земле. И ладно б просто из могил вставали и шлялись в поисках свежей пищи, как обычные наши местные зомби, – пристрелил или убежал, если их много, вот и вся тактика, благо бегают они похуже нашего брата.

Так нет же. Мутируют мертвецы. И сама земля, в которой они похоронены, тоже другой становится. Живой, что ли, со своими причудами, свойственными живым. Никогда не забуду, как я шел через кладбище села Копачи, чуть не поседев раньше времени. И теперь вот, похоже, нас ждут новые прелести. Потому что при нашем приближении на крайней могиле вздрогнул и завалился набок высокий ржавый крест, сваренный из двух труб. И рядом с ним на соседней могиле зашевелился засиженный воронами обелиск из полированной нержавеющей стали...

– Ну, блин, сейчас начнется, – проворчал я себе под нос, прикидывая, куда б смыться.

Оказалось, что некуда.

Кладбищенская земля, за долгие годы превратившаяся в огромную аномалию, всё предусмотрела. Я сделал шаг назад – и чуть не провалился по колено в трясины, еле успел рефлекторно ногу выдернуть. Там, где мы спокойно прошли минуту назад, раскинулось огромное болото, захватывая всю территорию справа и слева от дороги. Так что выбор у нас остался небольшой – или идти прямо через шевелящееся кладбище, или нырять в гнилую топь, вдруг резко шибанувшую по ноздрям затхлой вонью. Ну, или пулю себе в башку пустить, чтоб не мучиться. Но это так, к слову пришлось. Самоубийство я никогда не рассматривал как решение текущих проблем, да и Хашц, думаю, тоже. А значит,

придется пробиваться. Не впервой, опыт имеется.

– Как полезут, стреляй в голову, – бросил я Хашщу через плечо. – Живую дохлятину только так завалить можно.

– Чёт не люблю я мертвецов, – слегка побледнел Хашщ. И, перехватив мой удивленный взгляд, поспешно добавил: – Не, свежих очень люблю, просто обожаю. А вот ходячих боюсь до трясучки. Потому что неправильно это. Мертвый должен лежать спокойно, а не бросаться на живых сталкеров.

– Это странно, – сказал я, щелкнув переводчиком огня. – Я думал, ктулху никого и ничего не боятся.

– Я и не боюсь, – промямлил Хашщ. – Просто, когда я совсем мелкий был, моего папу зомби сожрали. На глазах у меня и дедушки, который потом меня воспитывал. Он меня тогда чудом из стаи голодных зомбаков на руках вынес...

Интересно. Вот уж не думал, что зомби жрут ктулху. Хотя – почему нет? Они любое мясо трескают за милую душу, так что, в общем-то, ничего удивительного. А у Хашща по этому поводу, оказывается, детская психологическая травма, в результате которой я остался один на один с кладбищем, из которого лезло что-то уж совсем невообразимое.

Во всяком случае, я такого не видел.

Земля из-под поваленного креста взметнулась кверху, и из старой могилы выскочило... туловище. Человеческое туловище на двух полусгнивших, но всё еще мощных ногах. На месте головы торчал лишь почерневший огрызок позвоночника, а руки мертвеца, похоже, были отрублены по самые плечи еще при жизни – их словно и не было никогда.

– Твою ж мать, стрелять-то куда? – в некотором замешательстве проговорил я. Сколько по Зоне шастаю, при встрече что с живыми уродами, что с мертвыми закон был простой: стреляй между глаз – не ошибешься. А тут бежит на тебя тело без башки и верхних конечностей, вот и думай, что с ним делать.

Единственный выход – стрелять по ногам. Чем я и занялся, пытаюсь короткими очередями перебить коленные суставы мертвеца.

Однако труп оказался шустрым. Словно предугадывая мои действия, он рванулся в сторону, подпрыгнул, уходя с линии выстрела, и вот уже снова бежит на меня, паскуда такая. При этом у него посреди грудной клетки с треском рвется кожа, покрытая трупными язвами, и словно огромная пасть раздвигаются ребра вместе с разорванным по центральной линии пульсирующим желудком, который они прикрывали до этого, словно зубы, защищающие полость рта.

Ну да, так-то всё логично. Если нет башки, то и легкие с сердцем, да и кишки со всей остальной требухой вроде как ни к чему. А вот желудок нужен, без него никак. Кушать все хотят, и красавицы, и чудовища, у которых от былой красоты только и остались что ходули да вечно несытое брюхо. Эдакая дионея-мухоловка на ножках, только вместо мухи – я, продолжающий стрелять в белый свет как в копеечку, потому что попасть в эту шуструю мразь было просто нереально!

Другой бы, может, от отчаяния продолжал стрелять, тратя впустую дорогие в Зоне патроны, а когда начал бы судорожно менять магазин, тут его б и схомячило это кошмарное порождение Зоны. Но я много мутантов повидал на своем веку. И давно понял: если не удастся сразу убить противника, то надо его удивить. Сделать так, чтоб он хоть на мгновение замер в нерешительности – и тогда срочно начинать импровизировать до полного его уничтожения.

Я и удивил монстра как сумел. Швырнул в него бесполезный автомат, от которого тот ловко уклонился, – и ринулся к нему прямо в пасть, если треснувшее сверху вниз и разъехавшееся в стороны туловище можно так назвать.

Чудовище такой маневр и правда озадачил. Тормознуло оно, разинув свои желудочные ребра еще шире. Ну а что еще делать, если обед сам решил прямо в пасть прыгнуть?

Но обед обеду рознь.

Летя в прыжке навстречу своей гибели, я выхватил из ножен «Бритву». И за мгновение до того, как монстр захлопнул свою жуткую грудную клетку, рубанул ножом так, словно разрубал пространство между мирами.

Сверху вниз.

И, разрубив, пролетел прямо сквозь монстра, как через разрез в плотной, мокрой, склизкой шторе, края которой щедро, влажно и вонюче мазнули меня по голове. Мерзкое ощущение – слов нет, но зато я тут же вывалился позади твари, которая замерла на месте, пытаюсь осознать, что с ней произошло. Если, конечно, у нее осталось чем осознать, потому что сейчас две части туловища, между которыми я пролетел, медленно разъезжались в стороны, напоминая латинскую букву «V» на двух человеческих ногах, переминающихся в нерешительности.

Но занимались они этим не больше секунды.

С отвратительным чавканьем обе части туловища шлепнулись на землю, а следом раздался звук, похожий на тот, что получается, если разодрать надвое кусок сырой тряпки. Это под весом рассеченной надвое верхней половины туловища порвалась и нижняя. В результате на серую траву Зоны отдельно друг от друга упали две ноги вместе с длинными, подрагивающими ломтями, которые только что были частью одного целого.

Но радоваться победе было рано. Потому что на кладбище продолжали падать кресты и надгробия, из-под которых лезли наружу такие же двуногие обрубки, скалясь обломками ребер, торчащими из разверстых желудков.

Я утер лицо рукавом, сунул «Бритву» в ножны, подобрал автомат, сменил магазин и начал садить из АК по ногам монстров, которые еще не успели освоиться после долгого лежания в могилах. Двоим даже перебил колени, после чего они рухнули на землю и поползли ко мне, извиваясь, словно змеи.

Но проблему это не решило, так как ко мне бежала по меньшей мере еще дюжина таких же тварей, с которыми мне в одиночку точно не справиться. Думаю, тут бы и взвод сталкеров-автоматчиков ничего не смог сделать без огнемета – уж больно шустрыми были эти твари...

Я к смерти всегда готов. Тем более что за последней чертой бывать доводилось и в целом нет там ничего страшного – ни монстров, ни сволочей разных, ни ипотеки, ни кредитов, которые обычному человеку вернуть можно, только

перекредитовываясь у других барыг и тем самым лишь получая временную отсрочку перед закономерным финалом. Спокойное место, где бояться совершенно нечего, ведь в пустоте нет ничего ужасного. Поэтому с Сестрой у нас отличные взаимоотношения, как у близких родственников – она всегда рада меня видеть, а я не спешу к ней в гости, вместо себя отправляя к ней пачками всяких уродов, что попадаются у меня на пути. А Сестра любым гостям рада – скучно ей в пустоте. Может, потому и не забирает меня пока что. Ведь не станет меня, и гостей у нее значительно поубавится. Иной раз даже приходит мысль – а не сама ли она отодвигает меня от Темного порога, когда я слишком близко к нему приближаюсь?

Как сейчас, например...

Внезапно у себя за спиной я услышал шипение. Страшное, жуткое, от которого захотелось присесть, зажав уши, и выть от безысходности, нахлынувшей разом, словно цунами, и поглотившей меня полностью. Я лишь усилием воли сдержался и остался стоять на ногах, дрожащих от непреодолимого, первобытного ужаса.

Нет на земле ни единого существа, которое ничего не боится. И я – не исключение. Просто я умею перебарывать свой страх, загонять его пинками в самую глубину сознания. Но не скрою, сейчас мне было крайне сложно это делать. Того и гляди пинаемый мною страх вцепится мне в горло и сожрет без остатка всё то, что делает меня человеком, превратив в дрожащую тварь, скулящую от собственного бессилия.

Так вот что бывает, когда тебя даже краем задевает звуковая волна, которую, раздувая ротовые щупальца, исторгает из себя разъяренный ктулху! Даже бегущих ко мне безголовых проняло.

Один за другим они замедлили скорость бега, остановились в нерешительности, постояли мгновение... И вдруг всей толпой развернулись – и ломанулись в сторону родного кладбища, только гнилые пятки замелькали.

Через несколько секунд дорога была свободна. А я, вместо того чтобы бежать по ней сломя голову, пока жуткие мертвецы не вернулись, упал на колени, так и не сумев унять предательскую, не зависящую от моей воли дрожь в ногах. Бывает такое, что твоё тело, твой организм не слушается тебя и боится, гаденыш, до трясушки, в то время как разумом ты готов бороться до конца.

Тяжелая лапа легла мне на плечо. Причем тряслась она ничуть не слабее моих ног. Даже сильнее, пожалуй, потому что у меня от ее вибрации аж зубы занули.

– Сейчас отпустит, – прозвучал у меня над головой голос Хащца. – Обоих. Очень, блин, на это надеюсь...

– Ты ж вроде мертвецов боишься? – проговорил я, отмечая, что и правда дрожь в моих ногах утихает понемногу.

– Боюсь, – вздохнул ктулху. – До жидкого поноса. Поэтому ты лучше не оборачивайся и особенно не приноживайся. Но я, пока дристал от ужаса, вдруг подумал, что стрёмно это как-то – подыхать от ходячих обрубков. Ладно б нормальные трупы были, а тут хрень какая-то на ножках. Ну и разозлился. А потом вон чего получилось...

– Это нормально, – сказал я, поднимаясь на ноги. – Как говорят в ВДВ, «десантник не тот, кто не боится прыгать с парашютом, а кто боится, но всё равно прыгает».

– Хорошо сказано! – одобрил Хащц. – Только не понял – что такое ВДВ?

– Войска, в которых служат люди, умеющие побеждать любого врага, в том числе и самого сильного – собственный страх.

– Все умеют? – не поверил ктулху.

– Абсолютно.

– Круто, – вздохнул мутант. – Я так не могу.

– Ты только что победил, – сказал я. – Переборол собственный ужас и спас нас обоих. Так что кончай трястись и пошли отсюда, а то с тыла и правда что-то уж очень сильно дерьмом тащит, аж глаза слезиться начали.

* * *

Лесник откинулся назад, прислонился затылком к холодной стенке, и закрыл глаза. Он устал. Непростое это дело поднимать из могил неупокоенных мертвецов и натравливать их на живых. Приходилось ментально «держат» всю толпу, а это очень непросто делать на расстоянии – тем более, когда нет возможности смотреть глазами «кукол». Похоже, трупам перед погребением отрубили головы и руки, чтоб те после смерти не могли, поднявшись из могил, хватать и грызть живых.

Так делали в Зоне порой, когда опасались, что на кладбище наползет аномалия «роженица», поднимающая мертвецов из могил. И вот – не повезло. Лесник пока не был настолько опытен в дистанционной некромантии, чтобы с ходу распознать, чего там не хватает у трупа, лежащего под землей. Поэтому ничего у него и не вышло. Но это не беда. Он научится. Обязательно научится. А сейчас ему просто нужно немного поспать – новые способности отнимали слишком много нервной энергии.

Но заснуть ему не удалось.

Внезапно лесник почуял запах зверя. Он слишком долго жил в Зоне, чтобы ошибиться. И этот зверь был совсем рядом...

Когда лесник прорубал портал, он точно знал, куда хочет попасть. К себе домой. В старое двухэтажное кирпичное здание, некогда использовавшееся в качестве лифта для доставки крупногабаритных грузов в подземные лаборатории. Домом лесника служила большая лифтовая кабина, где он оборудовал себе по меркам Зоны вполне приличное жилище. Стол, стул, шкаф для барахла, старая армейская кровать, печка, сделанная из бочки, крыша над головой. Что еще надо человеку для того, чтобы назвать своим домом провонявший сыростью закуток?

Было у пожилого сталкера еще одно жилище в Рыжем лесу – просторный бревенчатый дом, построенный на совесть. Не дом, а неприступная деревянная крепость, с одной стороны окруженная непроходимым лесом, с другой – мощным полем аномалий, тропинку через которое знал только сам лесник. Но тот дом он не любил. Скучно в нем было, хоть и безопасно. А это место знали все сталкеры и частенько захаживали. Кто новости узнать, кто совета спросить, кто за небольшие деньги амуницию подремонтировать у пожилого мастера на все руки. Всё как-то с людьми, а не сычом-одиночкой посреди Рыжего леса, который вон он, рядом, из окошка видать.

Бывало, не только люди к нему заходили. Случалось, что и мутанты в гости забредали. Их лесник не обижал, даже подкармливал иногда, коли было чем. А если не было, то по холке трепал, загривок чесал, разговаривал с ними, как с людьми, – и казалось ему, что они понимали. Любая живая тварь ласку любит и внимание. Поэтому если к ней с душой подойти, искренне и без фальши, то и она тем же ответит – когда не голодная, конечно, и гнезда рядом нет, которое надо защищать.

Но с пустым брюхом ради охоты муты сюда не заходили – чуяли, что тут свой живет. Тоже мутант, но в человеческом облике, который умеет чувствовать аномалии и даже уговаривать их подвинуться со своего места, если имеется такая надобность. Все опытные сталкеры в Зоне немного мутанты, но лесник был особенный. Это и люди, и хищные твари понимали. А сейчас он сам стал ходячей аномалией.

Лесник усмехнулся своим мыслям в бороду, но смех смехом, а возле двери в его каморку сейчас стоял мутант, изрядно воняющий мокрой шерстью. Можно было уже не принюхиваться, так тащило воню из-под двери. И этого запаха лесник не знал. Новая какая-то тварь припёрлась в гости, ранее в Зоне невиданная.

Мелькнула мысль потянуться за винтовкой со штыком, что стояла возле кровати. Но промелькнула – и пропала. Хотела бы тварь его сожрать, уже б ворвалась, используя эффект неожиданности. В Зоне голодные муты совершенно забывают об осторожности, когда чувствуют добычу. Бросаются грудью под пули, сбивают жертву с ног и тут же впиваются в горло. Все как один. Может, потому не боятся, что регенерация у большинства из них сумасшедшая. А может, просто крышу срывает от жадности и жажды крови – хотя этим в Зоне не только муты страдают, но и многие люди тоже.

– Ну,ходи, раз пришел, – сказал лесник, насыпая табак на обрывок старой газеты, чтобы свернуть самокрутку. Хреново, когда нормальные папиросы заканчиваются, но ничего не поделать. Пока прогуливался до Монумента, заработка, само собой, никакого не было, поэтому сейчас до поры до времени придется довольствоваться махоркой, запасенной на черный день. Если, конечно, непонятная тварь, что стоит за дверью, не решит, что обед для нее полезнее, чем ласка и понимание.

Дверь скрипнула – и он появился на пороге.

Лесник сперва подумал, что это сфинкс. Но, присмотревшись, понял – нет, не он. То, что, приняв себя, вошло к нему в каморку, скорее всего, когда-то было котом-переростком. Или каракалом, судя по кисточкам на вертикально стоящих ушах. Но потом зверюга поспала несколько раз рядом с каким-нибудь разнокалиберным полем аномалий, и произошли у нее генетические изменения. Мышцы разрослись так, что стали бугриться под кожей. Когти выросли, превратившись в небольшие кривые ножи. Зубы тоже увеличились в размерах, потому и морду у кошки разнесло, чтоб они в ней поместились. В результате получилась жуткая с виду тварь, при виде которой, возможно, и сфинкс свернул бы с дороги, чтоб лишний раз не связываться.

То, что тварь была голодной, по глазам читалось замечательно. Они почти у всех кошачьих на пустой желудок расширяются, чтоб лучше добычу видеть. Секунду они с лесником смотрели друг на друга, после чего хозяин каморки потянулся к тумбочке, достал оттуда круг копченой колбасы и кинул гостю.

Тот подарок подхватил на лету, клацнув акульими зубами. Миг – и нету той колбасы, будто и не было вовсе. При этом лесник отметил скорость, с которой тварь схватила полукилограммовое подношение. Понятно, что если она бросится, обладая такой быстротой и реакцией, то шансов не будет никаких. Даже с винтовкой. Поэтому лесник расслабился окончательно. Чего напрягаться, если всё равно смысла в этом нет никакого? Захочет неведомый мутант его сжечь, так что нервно-напряженного, что расслабленного по-любому сожрет. А так хоть табак не просыплется с бумажки, и самокрутка получится ровная, как хотелось.

Но тварь бросаться вроде не собиралась, поэтому лесник спокойно смял зубами получившийся бумажный цилиндр и, прикурив от карманной зажигалки, сделанной из стреляной гильзы, выпустил в потолок облако крепкого дыма, от которого у молодежи зеленой, что недавно пришла в Зону, с непривычки слезятся глаза.

– Ну что, так и будем стоять? – поинтересовался лесник.

Тварь неопределенно шевельнула хвостом.

– Звать-то тебя как?

Мутант посмотрел на человека как на дурака – мол, я тебе что, кот из сказочного Лукоморья, который по цепи туда-сюда ходит и классикам сказки рассказывает?

– Ясно, фигню сказал, – кивнул лесник. – Значит, будешь Зубастым. Как тебе?

Мут возмущенно фыркнул, приподняв при этом верхнюю губу и показав свои ужасные зубы. Лесник же хищным оскалом не впечатлился, за свою жизнь и пострашнее много чего видал, поэтому сейчас лишь улыбнулся.

Происходящее стало его забавлять. Складывалось впечатление, что мутант понимает его и у них сейчас происходит что-то вроде диалога.

– Ладно, – кивнул хозяин каморки. – Не нравится это, подберем другое имя. Злой?

Тварь неопределенно шевельнула хвостом.

– Ага, почти угадал, – удовлетворенно крикнул лесник. – Бешеный? Свирепый? Лютый?

Как только он произнес последнее слово, мут аж подпрыгнул, издав при этом грозный мям, достойный самого царя зверей.

– Ишь ты, Лютый, значит, – кивнул хозяин каморки. – А меня все просто лесником зовут. Один я такой в Зоне, так что с кем-то другим не перепутать.

И тут лесник невольно вздрогнул и аж дымом подавился от неожиданности. Что-то уж слишком человеческое промелькнуло в глазах мутанта. Показалось, что он сейчас скажет: «Лесник, значит. Ну что ж, вот и познакомились».

Но это лишь показалось. Прокашлявшись – душевно так, до слез, – сталкер затушил самокрутку об стену и попытался просканировать странного мутанта своим новым зрением, полученным в дар от Монумена.

Просканировал. И – ничего. Мут как мут. Мыслительные способности немногим выше, чем у квазимяса. Даже до ктулху не дотягивает, не говоря уж про бургеров, обладающих даром речи и интеллектом пятилетнего ребенка. В

общем, тело мутировалось, а мозг остался такой же, как у обычной большой кошки с кисточками на ушах.

Лесник немного успокоился и занялся новой самокруткой, поглядывая на незваного гостя. А тот как ни в чем не бывало уселся в углу и принялся вылизываться. Чисто деревенская домашняя Мурка, только побольше ее раза в два, а то и в два с половиной. И ведет себя так же, видать, раньше жила в человеческом доме.

«А может, и пусть остается? – подумал лесник. – Вдвоем-то всяко веселее. С прокормом вот только беда, но это дело поправимое. Себе одному всегда находил чем брюхо набить, значит, и мохнатого напарника уж как-нибудь прокормлю».

* * *

Тот, кого Брат одарил силой, был наивен, словно котенок, считающий себя взрослым, мудрым котом. Лютый довольно просто дал этому самоуверенному хому понять, как его зовут, ментальной волной подправив ход его мыслей, и тот сделал всё как надо, при этом оставшись в полной уверенности, что сам обо всем догадался. Правда, потом он всё-таки что-то заподозрил, но Лютый быстро поставил ментальный блок, после чего прикинулся домашней киской – и хомо, который называл себя лесником, попался и на этот нехитрый трюк. Люди вообще любят верить в то, что видят, в отличие от кошек, умеющих в, казалось бы, легкой добыче, валяющейся прямо на земле, распознать скрытую ловушку.

А еще они очень доверчивы, и любой мало-мальски уважающий себя котяра способен выдрессировать своего хомо так, что тот по первому мяву будет делать то, что прикажет ему хвостатый господин. Правда, мудрый кот не станет злоупотреблять своим превосходством над недалекими людьми. Иначе случается, что дело заканчивается пинком под зад из теплого дома – а то и кастрацией, которая гораздо хуже вольной жизни на помойке.

Лютый понимал, что непросто ему будет маскировать свои способности, подаренные Братом, перед человеком, которого сверкающая аномалия тоже наделила Силой. Хомо хоть и был простодушным, как и все представители его породы, но хитрость в нем тоже присутствовала – это Лютый понял сразу после того, как коснулся своей мыслью его мозга.

А еще он понял, что этот хомо желает причинить вред человеку, который подобрал однажды на перроне маленького котенка, отогрел его, накормил, приютил и относился к нему не как к домашнему животному, а как к другу. Это любой зверь чувствует и ценит больше, чем полная миска и мягкий, теплый матрасик в углу. Поэтому Лютый никак не мог допустить, чтобы хомо воспользовался своей силой во вред тому человеку.

Большого он узнать не успел, потому что хозяин дома после ментального прикосновения извне немедленно насторожился. Это следовало исправить, поэтому Лютый принялся вылизываться, как самая обычная кошка. И делал это до тех пор, пока хомо не успокоился, начав думать о том же самом, что и раньше. Мысленно Лютый поклялся вернуться к Брату и рассказать, как это существо, провонявшее весь дом своим табаком, собирается использовать подаренную ему Силу. А пока нужно было, чтобы хомо прекратил думать.

Несмотря на острые клыки и когти, Лютый не был уверен, что сможет убить этого сталкера, на счету которого имелось много уничтоженных мутантов. В том числе нескольких хомо он убил одним только ножом, а двоих вообще голыми руками. Это Лютого не устраивало. Если хозяин дома убьет его, то кто поможет человеку?

Поэтому он выбрал беспроблемный вариант. Мягко подошел, запрыгнул на кровать, лег и прижался теплым, мягким боком к хомо, который вонял куревом так, что Лютый аж инстинктивно прикрыл глаза. Но чего не сделаешь ради того, к кому он испытывал искреннюю привязанность?

Хомо напрягся было поначалу, но это продолжалось недолго. Есть у двуногих слабое место – они считают, что все животные их любят. После того, как они их бьют, срывают на них свою злобу, лишают естественной среды обитания, запирают в клетки – любят, и всё тут. Что ж, пусть считают. Так ими проще управлять, если, конечно, знать как.

Лютый знал, жизнь научила. Поэтому он притворился спящим, задышав ровно и глубоко. И при этом мягко, очень осторожно коснулся мозга хомо, уставшего после долгого рейда в Зону.

На этот раз у Лютого всё получилось. Через некоторое время мысли хозяина дома стали спутанными, и он задышал в такт дыханию своего нового питомца.

Заснул.

Мысленно Лютый улыбнулся. Конечно, надо было бы сейчас дерануть спящего когтями по горлу. Но, если разобраться, этот хомо был добр к нему. Не прогнал, накормил, разрешил спать на его кровати...

Нечто острое скребануло по сердцу Лютого. Кажется, это чувство люди называют совестью. Что ж, ладно, пусть вонючий двуногий спит, сегодня он своей добротой к незваному гостю заработал себе жизнь. А он, Лютый, заслужил полноценный отдых.

Мутант вздохнул еще раз, вспомнив, что его человек никогда не пах столь противно. Но выбирать не приходилось, и Лютый, закрыв глаза теперь уже по-настоящему, погрузился в сон.

* * *

– Странно. Будто что-то отпустило.

– Что отпустило? – не понял Хащщ.

– Такое впечатление было, что на меня кто-то неотрывно смотрит. А сейчас это ощущение исчезло.

– Ну да, когда через живого мертвяка насквозь пролезешь, такое наверняка может случиться, – глубокомысленно ответил мутант. – Если бы я эдакий трюк провернул, меня б до конца жизни плющило как камбалу.

Я ничего не ответил, мысленно махнув рукой на спутника. Везет мне на друзей-троллей. Фыф, Колян, Рудик, теперь вот он...

При мысли о шаме и лемуноподобном глазастом спире мне слегка взгрустнулось. Но лишь слегка. В этом мире они наверняка были еще живы, так как я в прошлом уничтожил их убийцу. Но мне надо было лично убедиться, что с ними все в порядке, поэтому я сейчас шел в Припять. А может, не только поэтому. Человеку всегда надо куда-то стремиться, а для этого нужно ставить себе цели. Вот я и поставил, на мой взгляд, не самую худшую.

И оставалось до нее, судя по карте в КПК, не более полукилометра.

Которые еще надо было пройти...

Впереди маячил сосновый лес. Самый обычный лес, с высокими «корабельными» деревьями. Зелеными, настоящими. И в карте была пометка: «Лес не пострадал при аварии и последующих выбросах. Безопасная территория». Надо же, а я и не знал, что где-то в Зоне может быть безопасно. Хотя причин не доверять надписи не было. Виртуальную карту зараженных земель постоянно корректируют опытные сталкеры, и если б с лесом было что-то не так, это немедленно нашло бы отражение в пометке. Но нет, последняя правка данной записи произошла пару месяцев назад, так что если с тех пор ничего не поменялось, по идее впереди нас ждала вполне себе спокойная прогулка между деревьями, лишенными каких-либо следов мутаций. Прямо скажем, приятная неожиданность, являющаяся редким исключением из общего правила.

– Надо ж, прям зеленая аномалия со знаком «плюс», – сказал Хащщ, скосив глаза на карту.

– Положительных аномалий не бывает, – отрезал я.

– А вечные лампочки? – ехидно поинтересовался вредный мутант. – Они, как я понимаю, во всех Зонах исправно светят и лишь пользу приносят.

– Нууу, – протянул я в легком замешательстве. – Как говорится, исключения лишь подтверждают...

– Да ладно, – махнул лапой Хащщ. – Исключения подтверждают лишь то, что исключения случаются. И одно из них – прямо перед тобой.

И правда. Чем ближе мы подходили, тем более мирным и безопасным казался лес. Прямо хоть снова доставай КПК и ставь подтверждение возле той пометки, мол, ништяк всё, братья-сталкеры, приходите сюда по грибы-ягоды и ничего не бойтесь. Хотя это я, конечно, так загнул, для красного словца. Подобные подтверждения ставятся только после того, как участок пройден. Впрочем, лес невелик, карта показывает, что метров двести всего-то нужно пройти, и мы окажемся на площади автовокзала, за которой начинается проспект Ленина –

главная асфальтовая артерия города, пересекающая половину Припяти.

Ну, мы и пошли, на всякий случай держа автоматы наготове – даже если лес и правда безопасен, это не значит, что в нем совсем недавно не завелись твари, мечтающие полакомиться свежей человечиной.

Но пока всё шло гладко. Мы шли между деревьями, одинаковыми, словно гигантские восковые свечи, воткнутые в землю. Приветливый шелест густых вечнозеленых крон, тревожимых ветром, успокаивал нервы, натянутые подобно струнам, расслаблял, убаюкивал. Так и хотелось опустить оружие и улечься на мягкий ковер опавшей хвои, чтобы подремать часок-другой в укрытом от чужих глаз месте, действительно безопасном, мирном, умиротворяющем...

– Щас сдохну как спать хочу, – сказал Хащц. И зевнул. Я до этого никогда не видел, как зевают ктулху, и, надо отметить, зрелище это эпичное донельзя. Мутант раздвинул во все стороны свои щупальца и втянул в себя воздух. Причем настолько мощно, с присвистом, что я всерьез испугался – того и гляди порвет морду Хащца его зевок от ротового отверстия до затылка. И так мой спутник, мягко говоря, не красавец, а будет вообще не пойми что, жуть жуткая не только спереди, но и сзади.

Мутант как раз должен был пройти между двумя деревьями, стоящими близко друг к другу, но что-то меня резко насторожило, да так, что сонливость разом слетела, словно легкая паутина, прилепившаяся к одежде по пути и сорванная ветром.

Паутина...

Вот оно что! Когда Хащц всосал в себя свой могучий зевок, меж деревьями что-то дрогнуло. Слабо так, едва заметно. Будто солнечный блик, заплутавший в сосновых кронах, сверкнул в метре от хари мутанта.

Но блики не сверкают сами по себе. Зато они имеют свойство отражаться от поверхностей, способных их отражать.

– Стой! – заорал я.

Но было поздно.

Зевающая морда Хащца с растопыренными щупальцами впечаталась в натянутую между деревьями тончайшую паутину – и так и осталась в ней, прилипнув намертво, ибо та оказалась нереально крепкой. Мутант рванулся назад что есть силы, но не тут-то было. Практически прозрачная ловушка, сплетенная из тончайших нитей, держала намертво.

Сверху послышалось шуршание. Я поднял голову.

Ну твою ж дивизию...

К трепыхающейся добыче, цепляясь лапами сразу за обе сосны, меж которыми была натянута паутина, спускался паук-мутант. Здоровенная хреновина величиной с колесо самосвала и такая же толстая. Спина твари отливала сталью, отчего казалось, будто паук бронирован, словно танк.

Мне не привыкать, я всяких тварей на своем веку повидал. Поэтому, вскинув автомат, я принялся стрелять...

Без толку. Первые три патрона я потратил впустую – пули лишь чиркнули по панцирю твари, не причинив ей ни малейшего вреда. Зато паук притормозил, повернулся слегка в мою сторону – и плюнул.

Не знаю, каким чувством я почуял опасность и успел отскочить в сторону. Дерево, к которому я, стреляя, прислонился плечом для устойчивости, зашипело, словно живое. По нему расплзлось черное, пузырящееся пятно, которое мгновенно растворило кору и выжгло в стволе большое, отвратительно воняющее дупло.

Ах ты ж, падла, кислотой плеваться? Ладно, попробуем по-другому.

Попасть в ноги паука было сложнее, чем долбануть очередью по его туше, но с такого расстояния задача не выглядела невыполнимой. И пока тварь, сопя, перезаряжалась, накапливая кислоту для второго плевка, я, укрывшись за искалеченным деревом, одиночными прицельно отстрелил две ноги мутанта.

Держаться на деревьях шестью ногами для твари оказалось задачей непосильной, и она, шипя, рухнула... на голову Хащца.

Ктулху ах взвыл от боли – понятное дело, ротовые щупальца-то не казенные. Но среагировал правильно, отвесив пауку неслабую затрещину, в результате чего тот... полетел прямо на меня, растопыбив в разные стороны оставшиеся ноги.

Логично было бы уклониться от такого паса, но расстояние не позволяло. Поэтому мне ничего не оставалось, как всадить в летящую тварь четыре пули подряд.

На этот раз мне повезло больше. Паук летел ко мне брюхом, которое оказалось более нежным, чем панцирь. Членистоногого мутанта отбросило в сторону, и он упал на спину, беспомощно дрыгая мохнатыми лапами и брызгая во все стороны зеленоватой слизью, фонтанчиками выплескивающейся из пулевых отверстий. Шипел паук при этом знатно, проклиная на своем языке сталкера, который стреляет раньше, чем успевает испугаться.

Я же, не обращая внимания на паучьи матюги, бросился к Хащцу, по пути выдернув из ножен «Бритву». Как ни были крепки нити, к которым прилип ктулху, но перед моим ножом они не устояли. Три удара – и Хащц оказался на свободе, правда, ротовые щупальца его по-прежнему остались залеплены паутиной, которая, похоже, окаменела, как только в нее попала добыча. Офигеть зрелище – ктулху с выпученными белыми глазами, ротовыми щупальцами, растопыренными во все стороны, и сверкающей паутиной между ними.

Впрочем, любоваться на Хащца времени не было. Освободить его пасть – тоже, так как знакомое шипение теперь раздавалось со всех сторон. Пристреленный мною паук был не один. Судя по шипению, нас брала в кольцо целая стая, которую привлекли звуки выстрелов. И с учетом того, что у этих тварей бронированные панцири, от которых отскакивают пули, наши с Хащцем шансы выбраться живыми из этого леса стремительно приближались к нулю.

Их и правда было много, штук тридцать, не меньше. Они один за другим спускались вниз по стволам сосен, выползая из развесистых зеленых крон, служащих им укрытием. Ну, вот и всё. Сейчас пара-тройка из них харкнет в нас кислотой, и трындец. Если от одного плевка я увернулся, то от нескольких это

просто нереально. М-да. Коль даже в живых останемся, после таких ожогов лучше сразу застрелиться нафиг, не дожидаясь, пока членистоногие твари обмотают нас паутиной и примутся жрать живьем.

Но они почему-то не спешили полакомиться обреченной добычей. Окружили нас – и замерли, будто ждали чего-то.

И через несколько секунд я понял, чего именно.

Раздался треск ломаемых ветвей, и самая толстая сосна, находящаяся в поле моего зрения, вздрогнув, словно от омерзения, жалобно заскрипела. Ибо по ней медленно, неторопливо спускалось самое настоящее чудовище.

Это был паук тоже размером с колесо грузовика, но только не обычного, а карьерного, которые высотой с два человеческих роста. Огромные мохнатые лапы глубоко вонзались загнутыми когтями в кору дерева, отчего оно стонало, словно живое. Жвалы паука терлись друг о друга, словно в предвкушении изысканного обеда. А над жвалами расположился ряд из восьми глаз. Человеческих! Только без век и, соответственно, ресниц. Неприятное зрелище – уставившиеся на нас круглые глазные яблоки, все в растрескавшихся красных прожилках, внимательные, совершенно не похожие на абсолютно черные глаза нормальных пауков. При этом сейчас из этих кошмарных глаз вытекали крупные слезы, словно монстр заранее оплакивал тех, кого для него загнала стая.

– По себе поплачь, паскуда, – прошептал я.

Мгновение – и у меня в руках оказалась трофейная «Муха», для приведения в боевое положение которой мне и нужно было всего ничего – секунд десять максимум.

Которых у меня не было.

Огромная тварь мигом сообразила, что зеленый тубус у меня в руках хранит в себе отнюдь не чертежи детского развлекательного комплекса. Зашипела она так, что у меня аж в ушах зазвенело, одновременно приподнимая массивное тело на своих подпорках. Понятно зачем, чтоб харкануть в меня кислотой.

Думаю, от этого плевка я б точно не смог уклониться – такая огромная гадина наверняка своими выделениями способна облепить целого слона от хобота до хвоста. Но тут справа от меня раздалось не менее мерзкое шипение, сопровождаемое длинной автоматной очередью.

Конечно, пасть Хащцу аномальная паутина облепила знатно, но, видать, на способности шипеть это не сказалось. Как и на возможности палить из автомата не целясь – хотя в такой танк, как паучья матка, не попасть с тридцати метров было бы затруднительно.

Хащц и попал. Я видел, как один из глаз монстра лопнул, пробитый пулей, залепив два соседних кроваво-белесой жижей.

Но у паучьей матки оставалось еще достаточно рабочих глаз, чтобы, слегка повернув корпус, плюнуть в назойливый источник шипения, вдобавок осмелившийся еще и причинить боль. Я лишь слышал, как справа раздался смачный шлепок, следом за которым пулеметной очередью раздались еще шлепки, менее смачные – это, повинуясь то ли приказу, то ли примеру предводительницы, по моему спутнику отстрелялись и остальные пауки.

Я чувствовал, как от кислотных брызг, долетевших до меня, в нескольких местах, словно сало на раскаленной сковородке, шкворчит моя одежда. Но это не помешало мне откинуть заднюю крышку и рывком до упора раздвинуть трубы гранатомета. Целиться времени не было, так как паучья матка явно раскачивалась для второго плевка, вперив теперь уже в меня взгляд своих многочисленных немигающих глаз. Поэтому я даже на плечо не стал класть гранатомет, как предписывали воинские наставления, а, экономя пару секунд, взвел ударно-спусковой механизм и выстрелил от бедра, уже зная точно, что не промахнусь...

Есть у меня такая способность – чувствовать оружие, даже то, которым пользовался лишь несколько раз в жизни. Поскольку не гранатометчик я ни разу, «Муха» в моих руках бывала редко, тем более что это оружие уже давно снято с производства, уступив место более мощным современным аналогам. Однако гранатомет я ощущал как продолжение собственных рук, эдакий бронебойный кулак, которым мне от души хотелось заехать по морде паучихи, ведь она – я был в этом уверен – только что убила моего боевого товарища. А там пусть ее пристяжь заплюет меня до смерти, это уже не особенно важно. Ведь уйти нужно так, чтоб было не стыдно уходить – иначе зачем ты жил, если умер не так, как

считаешь для себя правильным умереть?

Я видел, как паучья матка дернулась, поняв, что сейчас произойдет. Даже спрыгнуть вниз попыталась, уходя от летящей в нее крылатой смерти...

И у нее получилось.

Почти...

Выдернув когти из древесины, огромная тварь мощно оттолкнулась всеми своими ногами – тут и настигла ее ракета. Легко проломив панцирь, оперенная стальная стрела вошла в тело членистоногого мутанта – и разорвала его на части еще до того, как оно достигло земли. Эпичная картина: паучья матка, прямо в воздухе разлетающаяся в разные стороны на фрагменты, обрамленные желтовато-гнойными кусками плоти и зелеными брызгами крови.

Мне под ноги смачно шлепнулся солидный шмат мяса со всё еще шевелящимся жвалом и выпученным глазом, смотревшим на меня с вполне себе человеческой ненавистью. Впрочем, скорее всего, я себе это накрутил в воображении. Кусок дохлого паука вряд ли способен кого-то ненавидеть после смерти. В отличие от его пристяжи, наверняка обуреваемой жаждой мести.

Бросив уже бесполезный теперь тубус, я схватился было за автомат, намереваясь если не красиво и дорого продать свою жизнь, то хоть подохнуть, сопротивляясь до конца. Пусть даже это сопротивление совершенно бесполезно, но хоть еще один паучий глаз вышибу напоследок, как это сделал покойный Хащщ...

Но стрелять было не в кого. Стволы деревьев опустели, словно по команде, – лишь кроны сосен шевелились и шуршали, будто живые.

Понятно. Впечатлившись гибелью вожака, остальные пауки решили не связываться со слишком опасной добычей и предпочли свалить от греха подальше. Отличное решение. Не для них – для меня, которого вновь Сестра лишь потрепала по плечу, так и не пригласив своего побратима навечно переселиться в ее Темный чертог. Жаль только Хащщ не дожил...

– Твою... ж... мать... – раздалось справа от меня.

Я резко обернулся – и замер на месте.

Хащц стоял в желто-зеленой пузырящейся луже кислоты, совершенно весь, с ног до головы облепленный ею. Отвратно вонючая гадость медленно стекала с ктулху, как я понимаю, не причиняя ему ни малейшего вреда. Даже, скорее, она ему на пользу пошла, растворив паутину, залепившую пасть. Но в остальном всё было печально. Остатки автомата шипели в луже – металлические части кислоте оказались не по зубам, а вот приклад, рукоятка и цевье растворились полностью. Та же участь постигла и одежду Хащца, и, что самое неприятное, рюкзак с продуктами. Нет, какая-то часть жратвы осталась у меня, но, думаю, на ней мы протянем не больше суток.

Впрочем, какой я сталкер, если думаю о потерях? Это всё дело наживное, сейчас надо напарника как-то спасать. А то он стоит, трет глаза и, похоже, не соображает, жив он или уже преставился.

– Хащц, ты как себя чувствуешь? – осторожно спросил я, не рискуя близко подходить к токсичной луже.

Мутант смачно харкнул зеленью и, прочистив горло, сказал:

– Как кусок дерьма, облитый дерьмом. Хорошо, что на нас паучья кислота не действует. Помыться б где-нибудь теперь. И срамоту прикрыть. Эх, бандану жалко. Крутая была бандана...

– Помыться найдем, – сказал я. – Возле Припяти ручьев полно, насколько я помню. Ты пока, что ль лопухами оботрись, а то смотреть на тебя слегка жутковато.

– Зато нюхать небось сплошное удовольствие, – проворчал Хащц, вылезая из токсичной лужи. Капли, падающие с него на траву, тут же превращали ее в черные, съежившиеся комочки. – Хрен с ними, с лопухами. Пошли так, пока пауки не очухались и не решили, что справятся с нами и без матки.

Это было разумно, поэтому я не стал спорить. К тому же дальнейшее путешествие обещало быть безопасным: Хащц вонял так, что любой вменяемый хищник предпочтет свалить, нежели нападать на ходячую гору ядовитой слизи.

Так и случилось.

Пару раз мы слышали среди деревьев какую-то возню, но всё обошлось без инцидентов, и мы благополучно вышли к противоположной окраине леса. Теперь понятно, почему никто не написал в сталкерскую сеть, что лес опасен. Писать было некому после того, как его обжили пауки-мутанты. Все, кто заходил в него, так и оставались здесь, оседая в желудках пауков и их гигантской матки.

– Лихо ты ее, кстати, подстрелил прям в полете, – оценил Хащц после того, как на ходу когтями немного отчистил от вонючей гадости свои ротовые щупальца.

– Если б ты ее на себя не отвлек, еще вопрос, кто бы кого пристрелил, – отозвался я. – Так что, считай, с меня долг жизни.

– Забей, – отмахнулся мутант. – В нашей Зоне не принято среди своих долги жизни считать.

– В нашей – принято.

– Ну, если принято, то у тебя есть хорошая возможность его быстро отдать. Меняю твой долг жизни на капюшон твоей камуфлы.

– Зачем он тебе? – удивился я.

– Больно уж между нижних лап жжет, – поморщился Хащц. – Там у нас кожа тонкая. Если сейчас слизь не вытру, то до ручья точно не доживу.

– Может, всё-таки лопухами? – поинтересовался я.

– Без толку, – мотнул головой мутант. – Кислота вмиг их растворит, хрена с два чего я там ими вытру.

Делать нечего, пришлось отстегивать от своего камуфляжа капюшон, которым Хащц принялся неистово оттирать себе промежность, отчего кусок материи моментально превратился в наполовину сожженную тряпку. Нет, надо срочно искать ручей, пока он там себе чего-нибудь не оторвал.

...Ручей мы нашли довольно быстро. Вышли из леса – и вот он, журчит под невысоким холмом, на котором расположился уютный с виду домик. Не разрушенный от времени, не вросший в землю, как большинство бревенчатых изб Зоны. Аномалия? Вполне может быть. Но проверить сто?ит, мало ли. И пока Хащц плескался в ледяной воде, подвывая от холода, я направился к дому.

Шел я аккуратно, через каждые десять шагов бросая перед собой гильзы и гайки, которые всегда ношу в карманах для промера подозрительных мест на предмет их аномальности. Но ничего критичного так и не выявил. Дом был просто новым, построенным недавно. И хозяин его нашелся довольно быстро.

Он висел на боковой стене бревенчатого строения, плотно замотанный в кокон из паутины. Лишь контуры головы и туловища угадывались в переплетении крепчайших липких нитей, которые прикрепили человека к недавно оструганным бревнам надежнее любого клея. В глаза бросалась невероятная удобка мертвеца, но вряд ли это было особенностями анатомии. Просто проклятые членистоногие твари выпили тело полностью, до последней капли, превратив его в мумию. Страшная картина, но для Зоны – ничего особенного. Здесь смерть быстро становится обыденностью, привычной и никого не удивляющей.

– Упокой тебя Зона, сталкер, – проговорил я.

То, что это именно он, не было ни малейшего сомнения. Встречал я такое. Устал человек копить на свой домик у речки, где не будет ни радиации, ни мутантов, ни сволочей разных – и построил его прямо в Зоне. Рядом с совершенно безопасным лесом, как это было обозначено на карте. Где радиация минимальная настолько, что ею можно пренебречь, где вместо речки – ручей, а мутанты и двуногие твари с автоматами обходят это место стороной, потому что тут нечем поживиться.

И даже пожил он здесь немного, наслаждаясь уединением и спокойной жизнью, строя иллюзии насчет того, что больше никогда не придется ему братья за

автомат и что лес с огородом прокормят отшельника, удалившегося от мирской суеты...

А потом пришли пауки – и счастье закончилось. Или настало, кто его знает. Любой, кто бродит по Зоне, мысленно готов к смерти. Он каждый день чувствует ее холодное дыхание у себя над ухом, привыкая к ее незримому присутствию, – и подсознательно ждет, когда же она наконец заберет его с собой навсегда. Не бояться смерти – это значит смириться с тем, что она может настать в любой момент, принять этот факт. И, возможно, познать свое индивидуальное счастье в тот момент, когда всё наконец заканчивается. Не верится мне как-то, что этот сталкер всерьез надеялся дожить в Зоне до старости. Наверняка понимал он, чем всё закончится. Просто напоследок создал короткую иллюзию индивидуального счастья, позволил себе небольшой отрезок нормальной человеческой жизни, короткое удовольствие напоследок, как последняя сигарета перед расстрелом. Его право. И его выбор.

Вздыхнув и мысленно пожелав парню удачи в Краю последней войны, я направился в дом. Умершим ничего больше не нужно в этом мире, а у нас с Хащцем продуктов кот заплакал. Может, в доме консервы отыщутся, которые нам бы очень и оченьгодились. Вернее, мне. Хащц-то в основном свежей кровью питается. Но если носителя таковой встретить не получится, то и банку тушенки навернет за милую душу, запивая ее спиртным из фляги. Разумный сталкер-ктулху, охренеть. Который день уже шляюсь с ним по разным Зонам, а всё никак не могу свыкнуться с этой мыслью. Бывает же!

* * *

Внутри дом мертвого сталкера оказался довольно уютным. Помещение было разделено на две части. Слева спальня, она же столовая. Добротно сколоченная деревянная кровать, стол, стул, книжные полки на стене, забитые знакомыми томами с черными корешками, на которых серебром были написаны названия. Любил покойник почитать о Зоне, небось, специально к Жмотпетровичу за книгами ездил, чтоб новинку прикупить. Кстати, среди них несколько своих увидел. Приятно, черт побери, когда сталкеры твои мемуары читают.

Справа находилась кухня, оборудованная и обставленная очень неплохо для Зоны, главным украшением которой была дорогая двухконфорочная дровяная печь с духовкой, подключенная к дымоходу. Отличная вещь, которая вдобавок

еще и отапливает помещение. Вопрос только, где сталкер раздобыл такое чудо на зараженных землях? Хотя местные торговцы за деньги протащат через кордон что угодно, только плати.

Также был на кухне необходимый набор утвари, многочисленные шкафчики и даже холодильник, открыв который я понял – работает он на «этаках», дешевых артефактах, имеющих форму черных палочек и постоянно вырабатывающих электроэнергию. В холодильник их было встроено аж двенадцать штук, так что агрегат работал исправно, обдав меня прохладой.

Да уж, хозяйственный был сталкер. Жаль вот только, что продуктовые запасы у него подходили к концу, а пополнить он их при жизни так и не успел. В холодильнике я обнаружил две банки говяжьей тушенки, одна из которых была уже вскрытая и наполовину пустая, едва начатую пачку сливочного масла и кусок сыра весом примерно в полкило. В шкафчиках нашлось немного муки, подсолнечного масла и нехитрых специй – лаврового листа и молотого перца. Плюс треть батона черствого хлеба. Негусто, если честно. С учетом моих скудных припасов, оставшихся в рюкзаке, этого нам с Хашщем едва на один обед хватит. Хотя...

Меня осенила мысль.

Перед домом я видел небольшой огород, где из земли торчали мясистые перья свежего лука. Я вышел наружу, надергал из земли луковиц необычного арбузно-красного цвета, каждая из которых была величиной с мой кулак, и, растопив печь дровами, лежавшими рядом с нею, принялся за дело. Любой военный человек должен уметь не только убивать врага, но также накормить себя и своих боевых товарищей тем, что есть под рукой. Причем так, чтоб они ели да нахваливали, ибо голодный боец – плохой боец, который думает не о победе, а об обеде.

Дело шло неплохо. Когда под рукой есть всё что нужно, а необходимые навыки не утеряны, оно по-другому и быть не может. Плюс настроения добавляла постоянно попадающаяся на глаза картина, висящая возле холодильника. На ней была изображена река, в которой отражались нереально крупные звезды и огни большого города. А еще на ней были нарисованы двое: мужчина и женщина, стоящие на берегу плотно прижавшись друг к другу, словно они были одним целым. Мирное изображение Большой земли, глядя на которое, наверно, тот сталкер вспоминал свою жизнь, которую он оставил за кордоном. Опасное

воспоминание в Зоне. Расслабляющее. Притупляющее бдительность. Но, чего уж тут скрывать, приятное. Наводящее на размышления о том, что когда-нибудь и у меня будет свой домик у речки, чтоб рядом шумел лес, в котором счетчик Гейгера не трещит как сумасшедший, и ни пауков вокруг нет, ни других тварей – как четвероногих, так и двуногих с автоматами в руках.

– Никак на Большую землю захотел, Снайпер? – усмехнулся я себе под нос, вороша лопаткой лук, шкворчащий на сковородке. – Так для этого денег надо немерено. И башку маленько другую, чем у тебя на плечах, чтоб невзначай не свернуть шею человеку, внезапно на улице попросившему прикурить.

Тут я, конечно, лукавил перед самим собой. Не настолько у меня башня свернута, чтоб мирных людей мочить ни с того ни с сего. Просто и правда порой хотелось мне осесть там, где не придется просыпаться от каждого шороха, при пробуждении обнаруживая себя уже стоящим в боевой стойке с ножом в руке. Надоела мне Зона распроклятая хуже горькой редьки – но в то же время понимал я, что, окунувшись в мирную жизнь, буду тосковать по этой, сталкерской, полной смертельных опасностей и головокружительных приключений. Так уж устроен человек. Мы всегда хотим того, чего у нас нет. А получив желаемое, чувствуем себя самыми несчастными на свете людьми, у которых отобрали мечту. И ничего с этим не поделать.

– Ладно, остановимся на том, что если когда-нибудь у меня будет свой дом, в нем около холодильника будет висеть именно эта картина, – пробурчал я себе под нос. Когда далеко идущие мечты заводят тебя в слишком уж бескрайние дали, главное, вовремя остановиться, пообещав себе что-то конкретное и осуществимое. А то так можно домечтаться до пули в висок, выпущенной собственной рукой от тоски и безысходности.

К тому времени, как я превратил в гренки черствый хлеб, основное блюдо было почти готово.

И тут со скрипом распахнулась дверь в хижину. Мгновение – и автомат, лежавший на столе, оказался в моих руках...

Но стрелять не пришлось, хотя в дверях стоял самый что ни на есть настоящий ктулху в том виде, в каком они обычно шатаются по Зоне. То есть в чем мать родила. Правда, причинное место данного экземпляра прикрывал лист лопуха,

подвязанный сплетенным из травы жгутом.

Воняло от Хащца немногим меньше, чем раньше, – видать, не особо он старался отмыться дочиста в ледяном ручье. Но я к вони привычный, так что лишь покрутил носом и положил автомат обратно, ничего не сказав по поводу омерзительных ароматов, наполнивших помещение вместе с приходом ктулху.

– Даже тряпки целой не осталось, – пожаловался Хащц, указывая на лопух. – Всё обплевали, уроды членистоногие. Раздели, разули, обезоружили. Как я теперь людям на глаза покажусь?

– Будь уверен, что когда они в нашей Зоне увидят тебя одетым, обутом и с оружием, то охренеют гораздо больше, чем от твоего теперешнего вида, – сказал я. – Вон там в шкафу поройся, может, от прежнего хозяина остался какой-то шмот.

– А чем это у тебя так вкусно пахнет? – поинтересовался Хащц.

– Вкусно? – удивился я. – Я думал, что ваше племя нашу еду трескает без удовольствия.

– Жрать захочешь – всё что угодно зажуешь, – авторитетно заявил мутант, роясь в шкафу. – К тому же чую, что у тебя тут луком пахнет, а я его страсть как люблю.

– Лук?!! – не поверил я.

– Ну да, – кивнул Хащц, с трудом натягивая на себя рубашку цвета хаки, которая была ему явно мала. – В нем железа до фига. Мы ж и кровь-то в основном из-за железа пьем, в ней тоже оно есть, причем в легкоусвояемой форме.

– А гвоздик погрызть не пробовал? – поинтересовался я. – Там тоже железа много. И париться с кровью не надо. Хлещи себе спирт да гвоздями закусывай.

– Вот всем ты, Снайпер, нормальный мужик, – скривился Хащц. – Только язык как помело. Может, тебе его оторвать? И будешь прям идеальный напарник.

– Смотри, как бы я тебе твои щупла не повыдергивал, – сказал я. – По мне, так если их отодрать, как раз будешь ты похож на нормального лысого мужика с пропитой рожей. Короче, хорош трендеть. Приоделся? Тогда, если жрать хочешь, двигай к столу.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

События романа Дмитрия Силлова «Закон Припяти» литературной серии «СТАЛКЕР».

2

События романа Дмитрия Силлова «Закон якудзы» литературной серии «СТАЛКЕР».

Купить: https://telnovel.com/ru/sillov_dmitriy/zakon-lesnika

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)